ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2023 № 28

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

16+

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор
Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. главного редактора
С.С. Земичева (Москва, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Мызников (Москва, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Е.А. Юрина (Москва, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief
Svetlana S. Zemicheva (Moscow, Russia) – Executive Editor
Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Valery M. Mokienko (Saint Petersburg, Russia)
Sergey A. Myznikov (Moscow, Russia)
Andrey N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Yelena A. Yurina (Moscow, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт **http://journals.tsu.ru/lex/**

© Томский государственный университет, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря 5

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Федюнева Г.В. Русско-зырянский словарь Лепёхина-Ундольского: к истории открытия и изучения 28

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов 44

Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Проблемы лексикографического представления вводных слов 66

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Алефиренко Н.Ф., Голикова М.М. Лексикографические принципы создания и использования электронной фразеологической картотеки 83

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Vorontsov R.I., Priemysheva M.N., Puritskaya E.V. Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The *great explanatory dictionary* type re-examined 5

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Fedyuneva G.V. Russian-Zyryan dictionary of Lepyokhin–Undolsky: To the history of discovery and study 28

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Bobunova M.A. On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts 44

Kuznetsova N.V., Pochtareva O.V. Problems of lexicographic representation of parenthetical words 66

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Alefirenko N.F., Golikova M.M. Lexicographic principles of creation and use of electronic phraseological card files 83

Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27
Russian Journal of Lexicography. 2023, 28, pp. 5–27

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Научная статья
УДК 81.374.3
doi: 10.17223/22274200/28/1

Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря

Роман Игоревич Воронцов[1], Марина Николаевна Приемышева[2], Елизавета Владиславовна Пурицкая[3]

[1, 2, 3] Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
[1] roman.vorontsov.86@gmail.com
[2] mn.priemysheva@yandex.ru
[3] purichi@list.ru

Аннотация. Поднимается важнейшая для теории и истории лексикографии проблема: соотношение принципов нормативности и историзма в большом толковом словаре. Это противоречие рассматривается как типологическое (нормативный словарь vs исторический словарь-тезаурус) и как методологическое, проявляющееся в отборе слов, интерпретации семантики, стилистической характеристике и фиксации вариантов. Более детально анализируется описание устаревшей лексики и семантической структуры многозначного слова в БАС.

Ключевые слова: российская лексикография, толковый словарь, Большой академический словарь русского языка, нормативность, историзм, устаревшая лексика, семантическая структура слова

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00407 «Лексикографические принципы нормативности и историзма на современном этапе: разработка типологических характеристик большого цифрового академического толкового словаря русского языка», https://rscf.ru/project/23-28-00407/

© Р.И. Воронцов, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая, 2023

Для цитирования: Воронцов Р.И., Приемышева М.Н., Пурицкая Е.В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27. doi: 10.17223/22274200/28/1

Original article
doi: 10.17223/22274200/28/1

Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The *great explanatory dictionary* type re-examined

Roman I. Vorontsov[1], Marina N. Priemysheva[2], Elizaveta V. Puritskaya[3]

[1, 2, 3] *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*
[1] *roman.vorontsov.86@gmail.com*
[2] *mn.priemysheva@yandex.ru*
[3] *purichi@list.ru*

Abstract. The article is dedicated to the problem of correlation between the two essential principles of explanatory lexicography in the conceptual design of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (hereinafter the Dictionary): these are the principles of normativity and historicism. Within the scope of the Russian academic lexicography, the problem in question has not been well-developed in relation to an explanatory dictionary of the *great* type. In the 20th–21st centuries, the type of a fundamental multi-volume academic dictionary of the Russian language was embodied in three editions: today, the third one (in 35 volumes) is being prepared. The Dictionary proposes a comprehensive lexicographic evidence of the Russian literary vocabulary and, therefore, is often referred to as the biggest achievement of the Russian lexicography. For all its undeniable advantages, the Dictionary combines two contradictory principles: the principle of *historicism* (reflecting the Russian literary language "from Pushkin to our time") and the principle of *normativity* (codifying the current standard language). To a great extent, the combination of these two principles has emerged occasionally, which was determined by the following factors: first, the lack of research in the dictionary typology, in the theory of standard language, in the problems of synchronic and diachronic lexicography, which was typical of the early 20th-century Russian linguistics; and, second, a very close relationship of the Dictionary with the previous imperfect lexicographic projects. The combination of the two principles results in two contradictions: the *typological* one, making it hard to constitute the exact dictionary type, and the *methodological* one, which does not contribute to a proper imple-

mentation of various lexicographic techniques and approaches. The typological contradiction is considered with respect to the definitions of basic notions, to their correlation in the concepts of academic dictionaries, and to the historical reasons that determined the emergence of the abovementioned lexicographic conflict in the late 1930s when the Dictionary workflow was launched. The methodological contradiction is due to the co-existence of the two basic principles in the current Dictionary (the third one). In a single entry, the description of modern semantic, stylistic, and grammatical features of the word as well as the specifics of its use in the contemporary language is often combined with the description of features that were typical of this word in the 19th—early 20th centuries. In the article, based on the description of obsolete vocabulary and interpretation of the word semantic structure, the authors study the lexicographic areas where the conflict of normativity and historicism leads to inconsistencies that may hardly be worked through. The statement and brief analysis of the problem is the first step toward the development of a non-contradictory concept of the following—now definitely electronic—*Great Academic Dictionary of the Russian Language*.

Keywords: Russian lexicography, explanatory dictionary, Great Academic Dictionary of the Russian Language, normativity, historicism, obsolete vocabulary, semantic structure of word

Acknowledgements: The study is funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00407, https://rscf.ru/en/project/23-28-00407/

For citation: Vorontsov, R.I., Priemysheva, M.N. & Puritskaya, E.V. (2023) Principles of normativity and historicism in the Russian academic lexicography: The *great explanatory dictionary* type re-examined. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 28. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/1.

Постановка проблемы

В словарном многообразии каждой языковой культуры существует иерархия, в которой национальный язык имеет одно-два крупнейших словарных издания, представляющих народ и страну в пространстве глобального мира (например, Оксфордский словарь английского языка, словарь Французской академии, словарь Королевской академии испанского языка и др.). В России одним из таких изданий, признанным «высшим достижением отечественной лексикографии» [1. С. 84], в полном объеме отражающим лексическую систему русского литературного языка, уже более двух столетий является фундаментальный многотомный *большой академический словарь* (БАС). В XX–XXI вв. он представлен тремя изданиями: «Словарь современного русского

литературного языка» в 17 томах, изданный в 1948–1965 гг. и включающий 120 000 слов (далее – БАС-1) [2], незавершенное переиздание этого словаря (вышло 6 томов), предпринятое в 1991–1994 гг. (далее – БАС-2) [3], и «Большой академический словарь русского языка» (далее – БАС-3) [4], который издается с 2004 г. и в настоящий момент приближается к завершению (к 2023 г. издано 27 томов из запланированных 35; словарь будет включать около 150 000 слов). БАС-3, продолжая и развивая традиции создания академических больших толковых словарей, является десятым фундаментальным словарным предприятием Академии наук, начиная со «Словаря Академии Российской» (1789–1794).

Как отмечал А.С. Герд, БАС-1 во многом сложился на основе Словаря Грота–Шахматова и Словаря Словарной Комиссии АН СССР и не изменил основную метаструктуру своих предшественников, а базовые принципы и установки большого академического словаря до настоящего времени в целом остаются неизменными с конца 1930-х гг. [5. С. 953]. Словарь задумывался как нормативный, при этом одновременно его задачей было представить «современный литературный язык в широкой исторической перспективе» [6. С. 91]. Так, В.В. Виноградов, признавая БАС-1 самым значительным словарем русского языка, полагал, что тот «не оформился в особый самостоятельный тип словаря» [7. С. 25], поскольку не смог одновременно и должным образом решить задачи исторического и нормативного описания русской лексики. Сосуществование принципов нормативности и историзма в одном издании, по сути, уникальное для всей мировой лексикографии, до сих пор является отличительной особенностью БАС, хотя и не осознается большинством пользователей словаря как проблемное.

Принцип *историзма*, инерционно оставшийся в БАС-1 от «шахматовского» издания и обусловленный в том числе хронологическими рамками словаря («от Пушкина до наших дней»), явно противоречил принципу *нормативности*, под которым понималось отражение текущей стадии языковой синхронии с учетом литературной нормы в данный период времени. Нормативность постулировалась как ведущий принцип с самого начала работы над БАС-1 и была обусловлена запросом общества и государства на нормативный справочник по русскому языку, отражающий прежде всего современное (на тот момент) состояние лексической системы (см.: [8, 9]).

Именно проблема *типа* большого толкового словаря была одной из центральных проблем, обсуждавшихся в связи с БАС. Проблема совмещения *историзма* (диахронии) и *нормативности* (синхронии) в концепции словаря горячо обсуждалась и на начальной стадии работы (В.И. Чернышев, Л.В. Щерба и др.), и в дискуссиях о словаре в 1950–1960-е гг. (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Ю.С. Сорокин, Е.Н. Толикина, Ф.П. Филин и др.), когда словарь отражал русский литературный язык за 150 лет его истории. Сегодня БАС-3 отражает уже более 200 лет истории русского литературного языка, и проблема соотношения принципов нормативности и историзма встает еще более остро. В то же время следует признать, что она почти не обсуждается исследователями, а концепция БАС, пусть и не безусловно, но все-таки принята в отечественной лексикографии. Подробно теоретические подходы к проблеме историзма и нормативности, равно как и способы их реализации (на материале БАС), рассмотрены в [10].

Сочетание двух названных принципов, не обоснованное концептуально и теоретически, а сложившееся во многом исторически случайно и эволюционно, ставит перед лексикографами подчас неразрешимые задачи при разработке словарных статей, не способствует правильному отражению историко-лексикологической информации в словаре, а главное – остро ставит вопрос о *типе* словаря. Так, в одной словарной статье часто совмещается описание современной семантики, стилистики и грамматики слова, особенностей его употребления в современном русском языке – и характеристик, которые были свойственны данному слову в XIX – первой половине XX в. Это затрудняет пользование словарем как надежным нормативным источником и может препятствовать адекватному пониманию текстов классической русской литературы, так как словарь иногда неправомерно проецирует современные особенности слова на его употребление в XIX в.

Компромиссное сосуществование принципов историзма и нормативности приводит к двум теоретическим противоречиям: *конституциональному* (типологическому) и *методологическому* (невозможности удовлетворительного сочетания приемов и подходов к работе над словарем). Актуальность обращения к данной проблематике в настоящее время обусловлена тем, что БАС, являясь основой системы словарей русского языка и имея в силу своего масштаба особое национально-культурное значение, задает основной вектор развития всей отечественной толковой лексикографии, поэтому и достижения, и

проблемы этого словаря оказываются в равной мере важными как для данного лексикографического типа, так и для развития всей российской лексикографии, а разрешение этих противоречий является главнейшей предпосылкой для разработки концепции следующего издания БАС, которое будет создаваться уже в новой – цифровой – технологической реальности.

Нормативность vs историзм: *типологическое* противоречие

История отечественной академической толковой лексикографии представляет собой череду сменяющих друг друга словарей, ориентированных на описание литературной нормы, и словарей, пытающихся охватить «историческую перспективу» в развитии русского языка, на что впервые обратил внимание Л.В. Щерба [11. С. 96]. Более подробно эту тенденцию рассмотрел В.В. Виноградов в программной статье «Толковые словари русского языка» [12]. Так, на смену нормативно-стилистической концепции «Словаря Академии Российской» (1789–1794) и «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (1806–1822) пришла концепция словаря – «сокровищницы русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» [13. Т. 1. С. IX], которая была реализована в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Следующий академический «Словарь русского языка» под ред. Я.К. Грота (А–Д) был строго нормативным словарем русского литературного языка. Однако затем под руководством А.А. Шахматова академический словарь стал описывать лексику русского языка не только за весь период его существования, но и на всей территории его распространения, в результате чего в словарь широко стала включаться диалектная лексика. Это колебание в истории русской фундаментальной академической лексикографии между типами нормативного словаря и словаря-тезауруса стало практически базовой ее традицией. Поэтому закономерно, что следующий после шахматовского академический словарь (будущий БАС-1) должен был стать «нормативным».

Однако с первых шагов работы над БАС-1 возникли серьезные научные проблемы в разработке его концепции, которые привели к тому, что словарь впервые в истории отечественной, а в строгом смысле слова, и мировой лексикографии стал словарем компромисс-

ного типа, «словарем современного языка с исторической перспективой, раскрывающим динамику исторического развития современного языка от пушкинской эпохи до наших дней» [6. С. 91]. И этому способствовало несколько объективных факторов.

Во-первых, концепция словаря была жестко предписана коллективу в постановлении Президиума АН СССР: «Издаваемый словарь русского языка должен быть *толково-историческим, нормативным* (курсив наш. – *Р.В., М.П., Е.П.*)», должен стать проводником «правильного употребления форм и оборотов русского языка» и в то же время охватить «все богатство языка с указанием значений слов и грамматической их интерпретации на протяжении от половины XVIII века до наших дней» [14. С. 80].

Во-вторых, в том же постановлении указано, что все 12–15 томов словаря должны быть изданы в течение 1938–1942 гг., поэтому авторы вынуждены были использовать в начале своей работы имеющиеся материалы как неоконченного словаря «шахматовской редакции» (1920–1929 гг.), так и неоконченного «седьмого» издания (1929–1937 гг.). Помимо ряда ценных наработок предыдущих изданий, в новый словарь попал и целый ряд их недостатков, в том числе один из самых серьезных – стремление отразить всю историческую перспективу развития лексики.

И в-третьих, на момент начала работы над словарем не были разработаны такие теоретические проблемы, как типология словарей, понятие нормативности и историзма, синхронии и диахронии в лексикографии. И если понятие «историзм» в той или иной степени было вынужденно и компромиссно осознано авторами и редакторами словаря как подача исторической информации только в справочных целях и только для современной лексики, то понятие «нормативность» в концепции большого словаря вызывало большие затруднения [15].

Таким образом, в концепции БАС с самых первых шагов было заложено теоретическое противоречие: словарь должен был одновременно стать нормативным словарем современного литературного языка и при этом отразить историческую перспективу развития лексики. И это противоречие очень хорошо осознавалось как *неразрешимое* с самого начала работы. Л.В. Щерба в связи с этим говорил: «Сделать так, чтобы Словарь был нормативный, чтобы Словарь был исторический, чтобы Словарь был толковый, да еще чтобы краткий, – невозможно. Я думаю, что это в значительной мере несоединимые вещи» [15. С. 50–51].

Парадокс концепции будущего БАС-1 заключался в том, что словарь идеологически мыслился как «нормативный», содержательно – как «толково-исторический», а на практике авторы были вынуждены выполнить поставленную государственную задачу в пятилетний срок и ориентироваться только на свои реальные возможности. В результате заложенное в концепции противоречие еще более осложнилось, а сегодня обретает новую актуальность.

Нормативность vs историзм: *методологическое* противоречие

Проблема типологии большого толкового словаря в теоретическом плане обычно не осознается как острая: словарь был признан типологически компромиссным и благодаря классификации С.И. Ожегова [6] занял свое особое место в системе толковых словарей русского языка. Однако в методологии работы, в преддверии разработки концепции следующего словаря большого типа, проблема сосуществования противопоставленных друг другу принципов нормативности и историзма и их реализации в рамках традиционной структуры словарной статьи становится очень острой и требует осмысления.

Основополагающая для всех трех изданий БАС «Инструкция...» (1958) декларирует *примат принципа нормативности*: «Будучи в основном нормативным, Словарь не может быть собственно историческим» [16. С. 6]. А *элементы историзма* должны выполнять в словаре вспомогательную функцию – «давать читателю разного рода справки исторического характера» [16. С. 7].

Согласно «Инструкции» 1958 г. и предисловию к БАС-3, **нормативность** БАС, как и других академических толковых словарей, реализуется в следующих параметрах:

– в словнике отражена *общеупотребительная* лексика (входящая как в активный, так и в пассивный словарный запас носителей) *литературного* русского языка, границы которого традиционно определяются «от Пушкина до наших дней»; не включаются жаргонизмы, диалектизмы, узкоспециальные термины и т.д.;

– стилистическая, орфографическая, грамматическая, орфоэпическая характеристика при вокабулах, внутри словарной статьи и в справочном отделе дается *с позиции современной литературной нормы*;

– каждое слово или значение иллюстрируется цитатами из художественной и научно-популярной литературы, как правило, *образцового уровня*.

Принцип **историзма** (или «элементы» историзма) реализуется следующими способами:

– цитаты, иллюстрирующие каждое слово и значение за весь период его функционирования начиная «от Пушкина» и до «наших дней», располагаются в хронологическом порядке;

– при описании семантической структуры многозначных слов учитываются не только логико-семантические связи между значениями, но и их деривационно-хронологические характеристики (подробно см. далее);

– описание хронологически маркированных слов и значений осуществляется при помощи помет *устар.* и *устаревающее*, ремарок типа «в Древней Руси», «в советское время» и других описательных способов (подробно см. далее);

– словообразовательные, орфографические или орфоэпические варианты слова в период «от Пушкина до наших дней» показываются и иллюстрируются в словарной статье или в справочном отделе;

– основная «историческая» информация о слове представлена в справочной зоне: указывается первая лексикографическая фиксация слова и его вариантов, начиная со словарей древнерусского языка и заканчивая словарем, зафиксировавшим современный вариант; указываются варианты с начала XIX в. («с иным напис.»; «с иным произнош.»; «в иной форме» и т.п.).

Так, историзм, существующий только в форме «элементов» и как вспомогательный принцип словаря, методологически требует большой дополнительной исследовательской работы и представляет собой наиболее объемную часть словарной статьи. Более того, именно включение «элементов историзма» приводит к возникновению противоречий в метаязыке словаря.

В методологическом отношении выделяются четыре ключевых аспекта лексикографической работы, где непосредственно сталкиваются и вступают в противоречие нормативный и исторический векторы словарного описания: 1) отбор слов для включения в словарь (формирование словника); 2) интерпретация семантической структуры слова; 3) нормативно-стилистическая характеристика лексики; 4) описание грамматических, орфографических и орфоэпических вариантов. Не имея возможности в рамках данной статьи подробно характеризовать каждый из этих аспектов, покажем, как сталкиваются нормативность и историзм в двух следующих областях: а) отбор и характери-

стика хронологически отмеченной лексики и б) организация семантической структуры многозначного слова.

Устаревшая лексика в БАС: принципы отбора и способы описания

Принципы включения и описания устаревшей лексики в трех изданиях БАС пережили ряд изменений. БАС-1, согласно замыслу создателей, содержит лишь «элементы историзма», а помета *устар.* и элементы толкования слов типа «в древней Руси», «в старину», «в конце XVIII и начале XIX века» и другие представляют лишь «некоторый материал для исторического осмысления слов, их значений» [16. С. 6]. Помета *устар.* отнесена к стилистическим пометам и «указывает, что слово или одно из значений вышло из употребления в живом современном языке или употребляется, но воспринимается как архаизм» [16. С. 42].

Расплывчатость подходов к устаревшей лексике в БАС-1 вызвала критику лексикографов [7, 17], и во втором издании словаря (БАС-2) «строже различается устаревание слов при сохранении обозначаемой реалии <…> и утрата для современной жизни самих предметов, понятий, свойственных прошлому» [3. Т. 1. С. 10].

Концепция БАС-3 закрепляет задачу словаря как «сокровищницы русской лексики XIX–XXI веков», «уникального справочника при чтении русской литературы XIX–XX веков, который расширяет интеллектуальный кругозор читателя, повышает его речевую культуру» [4. Т. 1. С. 5–6].

В БАС-3 расширен круг источников устаревшей лексики (включаются также «слова, которые представлены <…> в современной историко-публицистической литературе» [4. Т. 1. С. 9–10]), оговариваются принципы разграничения историзмов и архаизмов [4. Т. 1. С. 25], вводится динамическая помета *устаревающее*, которая «указывает на то, что слово, его значение или форма переходит в пассивный запас литературного языка» [4. Т. 1. С. 25]. Кроме того, отмечен и процесс деархаизации лексики, однако особых способов для маркирования таких единиц не предложено.

Лексикографическое представление хронологически отмеченной лексики в БАС-3 осуществляется при помощи различных элементов метаязыка словаря:

– Помета *устар*. для архаизмов, причем наличие варианта в современном языке может быть показано как в формулировке лексического толкования: **А́ГНИЦА** *Устар*. Овца, овечка; **ДИАЛЕ́КТ** *Устар*. Язык (обычно иностранный); **ДЕПО́** *Устар*. Место для хранения чего-л.; склад, – так и в виде отсылки к современному варианту: **ИГРЕ́ЦКИЙ** *Устар.* Предназначенный для игры; игорный; **ПЛЕНА́ 1.** *Устар.* То же, что пленка; **РЕСТОРА́ЦИЯ** *Устар.* То же, что ресторан.

В тех же случаях, когда в толкованиях архаических слов отсутствует современная параллель, очевидно, за пометой *устар*. скрываются историзмы: **ЛАГУ́Н** *Устар.* Деревянный сосуд для жидкости в форме бочонка; **ОРАНЖА́Д** *Устар.* Прохладительный напиток из апельсинового сока и содовой воды.

– Ремарки, помещаемые перед толкованием, внутри или в конце толкования, в том числе *старое, старинное название, прежнее название, в старину* и др.; предложно-падежная форма «*до* + Р. п.», где предлог *до* употребляется для указания временно́го предела существования, а также форма прошедшего времени у глагольных форм, используемых в толковании значения слова: **ГА́РНЕЦ** Русская мера объема сыпучих тел, равная 1/8 четверика (3,28 литра), применявшаяся до введения метрической системы мер. **ДОСКА́** В старину – деревянная пластина, обычно обтягивавшаяся кожей и служившая переплетом книги. **2. МОНИТО́Р** Устаревший вид бронированных артиллерийских низкобортных кораблей для борьбы с береговой артиллерией.

Кроме того, в БАС-3 используются приемы, призванные показать особенности употребления слов пассивного запаса в современной речи: **ДЕПЕ́ША** *Устар.* Телеграмма (в соврем. употр. – обычно шутливо). **ЕДИ́НОЖДЫ** *Устар*. Один раз (в соврем. употр. – в стилизованной речи). **ОБЛАЧА́ТЬСЯ** *Устар.* Надевать на себя какую-л. одежду; одеваться (в соврем. речи – обычно в приподнятой, стилизованной речи или иронически, шутливо). **ПЕНСИО́Н** *Устар.* То же, что пенсия (в соврем. употр. с оттенком шутл.). **РЕ́ГУЛЫ** *Устар.* То же, что менструация (в соврем. употр. – в медицине).

Совершенно необходимы в словаре указания на особенности употребления для с л а в я н и з м о в, устаревших еще в допушкинскую эпоху и служащих стилистическим средством: **ВЕ́ЖДЫ** *Устар. поэт*. Веки; **ГЛАГО́ЛАТЬ, ГЛАГО́ЛИТЬ** *Устар.* Говорить, высказывать что-л. (в соврем. употр. – обычно в высокопарной речи или иронически).

Помета *устар.* характеризует не только слова и значения, но и другие неактуальные языковые факты: грамматические формы слов, ударение, написание, произношение и др., помещаемые в словарной статье за знаком «шпалы» или в справочном отделе словарной статьи: **ДРУГ** □ *Устар. Мн.* д р у́ г и (в соврем. употр. – обычно в поэтической или стилизованной речи). **ИГЛА́** □ *Устар.* И́ г о л, *род. мн.* **СНЕГ** □ С н е г а́, о́ в и (*устар.* и в соврем. употр. в поэт. и стилизованной речи) с н е́ г и, о́ в, *мн.* **ГАЗИРО́ВАННЫЙ** – С иным (*устар.*) удар.: г а з и́ р о в а н н ы й. **1. СЧИТА́ТЬ** (*сов.* **сосчита́ть** и (*устар.*) **счесть**).

Для явлений и понятий недавнего времени, но уже ушедших в прошлое, в БАС-3 введена ремарка «в советское время»: **ДОСАА́Ф** (прописные буквы), *нескл.* и (*разг.*) ДОСААФа, *м. Сокр.* В советское время – Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту; **ВЫКИ́ДЫВАТЬ.** В советское время – пускать в продажу (какой-л. дефицитный товар). Лексикографирование с о в е т и з м о в представляет особую сложность, поскольку они «с одной стороны, относятся к пласту не очень давно устаревшей лексики… а с другой стороны, могут быть привязаны к разным периодам существования СССР (в связи с чем включение в толкование элемента *“В советск. время…”* не всегда является достаточным и исчерпывающим)» [18. С. 377]. Тем более неправомерна для таких лексем помета *устар.* Ср.: **АВТОСТО́П** *Устар.* Документ, дающий туристу право на остановку попутных машин; туристское путешествие с таким документом. *Путешествовать по автостопу*; **ЛЕКПО́М** *Устар.* Помощник лекаря (в 1 знач.), врача; фельдшер; **КВАРТУПОЛНОМО́ЧЕННЫЙ** *Устар.* Уполномоченный от жильцов квартиры.

Также в БАС-3 была введена динамическая помета *устаревающее,* которая «указывает на то, что слово, его значение или форма переходит в пассивный запас литературного языка» [4. Т. 1. С. 25]. Эта помета преимущественно используется в первых томах словаря: **БЛАГОРАСПОЛОЖЕ́НИЕ** *Устаревающее.* Доброжелательное отношение, расположение к кому-, чему-л.; благосклонность; **БУ́РЩИК** *Устаревающее.* То же, что бурильщик; **ВНАЙМЫ́** *Устаревающее.* То же, что внаем; **КНИГОЧЕ́Й** *Устаревающее.* Тот, кто любит читать.

Очевидно, что за этой пометой собраны и хронологически, и стилистически разнородные языковые факты, что требует пересмотра их лексикографического описания. Так, по данным НКРЯ и других кор-

пусов текстов, слово *внаймы* хотя и менее употребительный вариант, чем *внаём*, но их соотношение остается примерно одинаковым на всем протяжении XIX – начала XXI в.; слово *бурщик* вытесняется словом *бурильщик* в 1970-е, но оно не встречается ранее 1920-х гг.; слово *благорасположение* (с конца XVIII в.) в наше время употребляется даже более активно, чем на протяжении XX в.

Кроме того, необходимо выработать приемы описания такого динамического процесса, как возвращение слова из пассивного словаря в активный. При этом слова могут «восстанавливать» ранее существовавшие значения, но более типичны случаи, когда слово возвращается в совершенно новом «смысловом обличье», с появлением нового компонента значения или даже нового значения:

БОМБАРДИ́Р. 1. В русской армии и на флоте XVIII–XIX вв. – солдат или матрос, обслуживающий бомбардирские орудия. <…> // В XIX в. – звание в армейской артиллерии, соответствующее ефрейтору; артиллерист в таком звании. <…>

2. *Разг.* В некоторых спортивных играх с мячом и в хоккее – игрок нападения, забивающий наибольшее число голов в ворота соперника. *Лучший бомбардир чемпионата* [4. Т. 2. С. 130].

Однако не всегда корректно говорить о возвращении слова. Например:

РЕСПЕ́КТ *Устар.* Уважение, почтение. <…> – *Да вот все, до сего утра, со своими старыми измайловцами путался, а то бы непременно к вам заехал респект отдать.* В. Крест. Деды. <…>

– Вейсманн, 1731, с. 302: р е с п е к т; Нордстет, 1782: р е с п е́ к т. – Франц. respect, от лат. respectus «уважение» [4. Т. 23. С. 627].

Жаргонное слово *респект*, которое сегодня активно употребляется в разговорной речи, проникает в публицистику и художественные тексты, является заимствованием из английского (respect) и вошло в русский язык заново в результате вторичного заимствования (т.е. из другого языка-источника и в другое время); при этом носители языка, употребляющие такого рода слова сегодня, едва ли знают о том, что они были известны 200 лет назад. Вряд ли можно говорить о том, что эти слова «вернулись»: они заново вошли в язык. Факты такого рода, очевидно, следует учитывать при хронологической квалификации лексики в словаре с историческим подходом к описанию лексики.

Использованные в БАС способы описания хронологически отмеченной лексики ярко демонстрируют противоречие нормативности и историзма в концепции словаря. Пометы *устар.* и *устаревающее* квалифицируют лексику с точки зрения современной нормы, без учета времени вхождения слов в широкое употребление, периода их акту-

альности и устаревания внутри широких хронологических границ «от Пушкина до наших дней». Ремарка о стилистических особенностях «в современном употреблении» также не решает проблемы из-за неопределенности границ между «современным» и «историческим», а для архаизмов-старославянизмов (которые уже в допушкинскую эпоху не употреблялись номинативно, а играли роль стилистического средства) вообще нерелевантна. Кроме того, широкий исторический фон требует особых приемов описания динамических явлений, таких как возвращение слова из пассивного словаря в активный.

Интерпретация семантической структуры многозначного слова в БАС

Соотношением принципов нормативности и историзма определяется порядок расположения значений слова относительно друг друга: согласно хронологической логике их развития или исходя из синхронного представления о семантической структуре и ее деривационной связанности. Так, например, в описании слова *бомбардир* (см. выше) БАС-3 реализует хронологический подход, помещая на первое место историческое значение, однако современная норма, скорее, предполагает первенство «спортивной» семантики. При этом в данном случае дело осложнено отсутствием непосредственной деривационной связи между значениями, как с точки зрения синхронии, так и в историческом плане.

Составители «Инструкции…» 1958 г. заняли по вопросу семантической структуры слова компромиссную позицию, заявив о трех принципах расположения значений, реализуемых в словаре. Эти принципы, состоящие, как представляется, в иерархических отношениях, можно охарактеризовать следующим образом: 1) *логический* (значения выводятся одно из другого, «исходя из понимания смысловой структуры слова в данный период развития языка»), 2) *исторический* (на первое место выносится исходное, пусть даже устаревшее значение, если «последовательность в развитии значений с отчетливостью различима по материалам *современного языка* (курсив наш. – *Р.В., М.П., Е.П.*)», т.е. речь не идет о полноценном восстановлении семантической истории слова); 3) *справочный* (устаревшее значение, не являющееся опорным для современных значений, помещается в конце словарной статьи; тем самым подчеркивается, что оно представлено в

словаре в справочных целях, а не как неотъемлемый компонент семантической структуры) [16. С. 26–27].

При внимательном рассмотрении, однако, можно заметить, что между логическим и историческим подходами (в предложенной трактовке) нет непреодолимой преграды: единственное отличие их состоит в том, что «исторический» принцип допускает выход за пределы современного языка, но только тогда, когда исходное устаревшее значение является мотивирующей базой для актуальных значений. И здесь не возникает противоречий в тех случаях, когда, характеризуя исходное значение как устаревшее, БАС-1 квалифицирует его как *архаизм*, т.е. стилистически маркированный элемент лексической системы современного языка. Ср.:

ИСХО́Д. 1. *Устар.* Движение откуда-либо; выход. <…> *И мнит, что слышит струй кипенье, Что слышит ток подземных вод, И колыбельное их пенье, И шумный из земли исход.* Тютч. Безумие. *Хронологию он ведет от потопа, указывая, сколько лет прошло от потопа... до исхода евреев из Египта.* Ключ. Курс русск. ист.

2. Освобождение, избавление от чего-либо неприятного, тягостного, трудного. <…>

3. Обнаружение, выявление какого-либо чувства. <…>

4. Окончание, завершение чего-либо <…> [2. Т. 5. С. 572].

Современный словарь (БАС-3) подтверждает догадку о том, что первое значение мыслится здесь как стилистически (а не хронологически) обусловленное: помета *устар.* снята, а стилистическая характеристика представлена описательно:

ИСХО́Д. 1. Действие по 1 знач. глаг. исходить (2. Исходить); уход куда-л., откуда-л. (в соврем. употр. – в стилизованной или приподнятой речи). <…> *Воля – не стремление ли к ней порождало массовый исход на окраины государства, где жилось тяжело, но без казенной опеки.* С. Плеханов. Охота за словом [4. Т. 7. С. 482].

Такая архитектура словарной статьи как будто бы не вызывает особых возражений, однако, как было показано выше, помета *устар.* в наших словарях весьма неопределенна: она может служить одновременно и хронологическим, и стилистическим маркером. Это и создает путаницу в реализации «исторического» принципа расположения значений в БАС.

Так, отмечаются случаи (особенно в последних томах БАС-1), когда в начале словарной статьи оказываются значения, не имеющие отношения к современному литературному языку, хотя и действительно являющиеся опорными для современных значений. Ср.:

ЩЕПЕТИ́ЛЬНЫЙ. 1. *Устар.* Связанный с галантерейными и парфюмерными товарами. <…>

2. *Устар.* Щегольской, опрятный в одежде. <…>

3. *Устар.* Придирчиво-педантичный, мелочный. <…>

4. Строго принципиальный до педантичности, чрезвычайно корректный в отношении с кем-либо или по отношению к чему-либо. <…>

5. Требующий осторожного и тактичного отношения; деликатный (во 2-м знач.) <…> [2. Т. 17. С. 1675].

Увлекшись интересным материалом, какой представляет собой история прилагательного *щепетильный* (подробно см.: [19. С. 532–533]), составители БАС-1 нарушили главный принцип словаря – отражение современной литературной нормы, и выдвинули на первый план значение, которое полностью вышло из употребления еще в середине XIX в. Любопытный и по-своему удачный пример описания семантической структуры слова с точки зрения логики ее исторического развития является, с другой стороны, иллюстрацией того, к каким последствиям может привести глубинная неопределенность, заложенная в концепции словаря.

«Справочный» принцип организации семантической структуры позволяет не только описать актуальные (или мотивирующие их) значения, но и представить своего рода «тупиковые ветви» семантической эволюции слова. Примером может служить описание слова *изъян* в БАС-3 (и схожее с ним в БАС-1):

ИЗЪЯ́Н. 1. Неисправность, повреждение. <…>

2. Отрицательное качество, недостаток. <…>

3. *Устар.* Убыток, ущерб. *Не шей ты мне, матушка, Красный сарафан, Не входи, родимушка, Попусту в изъян!* Цыганов, Не шей ты мне, матушка. [Ефросинья Потаповна:] *Уж достался мне этот обед: что хлопот, что изъяну!* А. Остр. Бесприданница [4. Т. 7. С. 199–200].

По данным исторических словарей, в допушкинскую эпоху значение ущерба, убытка занимало центральное место в семантической структуре слова *изъян*, хотя «Словарь русского языка XVIII века» уже отмечает его переход из нейтрального в просторечное [20. Т. 9. С. 69]. В XIX в. находим множество примеров употребления этого значения, преимущественно в народной или сниженной речи. Однако далее значение затушевывается семантикой повреждения, недостатка и, действительно, с позиции современной нормы является устаревшим. Включение его в словарь полностью согласуется с факультативной исторической задачей БАС-1: «давать читателю справки исторического характера» [16. С. 7].

Однако в некоторых случаях использование «справочного» принципа расположения значений может, по словам В.В. Виноградова, «внушать ложные, антиисторические представления» [7. С. 14]. Например, описание пятого (последнего) значения слова *поверхность* в БАС-3 отмечено неопределенностью хронологической характеристики:

ПОВЕ́РХНОСТЬ. <…> **5.** *Устар.* Преимущество, превосходство над кем-л. (в борьбе, споре и т.п.). *Пред сим одержали мы также важную поверхность над турками и взяли в плен славного Пашу Пелигвантоглу.* Арх. бр. Тург. *Теперь моя неоткровенность была бы подлостию, желанием иметь над тобою какую-то поверхность.* Бел. Письма. 1837 г. [4. Т. 17. С. 225] (аналогично – в БАС-1).

Приводимые цитаты относятся к пушкинской эпохе, и даже поиск по современным корпусам текстов не дает более нового материала. Кроме того, среди редких цитат первой половины XIX в., как правило, отмечаются употребления в стилизованной речи, ср.: *Нет ни приказа, ни повиновения, и лишь это неустройство было причиной всегдашней над ними* [горцами] *поверхности русских.* А. Бестужев-Марлинский. Рассказ офицера. *И вот, мы, после блистательных сражений, в которых везде одерживали поверхность над храбрым неприятелем – смело можно сказать, после побед – в полной ретираде!* Ф. Булгарин. Воспоминания.

Судя по всему, данное значение уже в пушкинские годы воспринималось как принадлежность языка предшествующей эпохи, когда оно действительно было общеупотребительным: Словарь XVIII века приводит целый ряд цитат и даже фиксирует устойчивое сочетание *взять (брать), одержать, иметь, получить... поверхность (над кем-чем и без доп.)* [20. Т. 20. С. 102]. Употребления, датируемые XIX в., скорее всего, являются частными рефлексами старой литературной нормы и, таким образом, должны быть квалифицированы как полностью чуждые современному словоупотреблению.

Получается, что БАС с помощью своего метаязыка как бы уравнивает хронологические характеристики слов *изъян* и *поверхность,* выделяя в их семантических структурах отжившие значения. Однако на самом деле отношения этих значений к современной литературной норме различны, и словарь оказывается бессилен это показать.

Принципы расположения значений в БАС, хотя и исходят из нормативной предпосылки, все же допускают целый ряд возможностей для исторического описания лексики. Неопределенность такого решения часто приводит к составительскому волюнтаризму и, в конеч-

ном итоге, к искаженной исторической перспективе и неточным нормативным оценкам.

Таким образом, если, с одной стороны, авторам БАС удалось найти хрупкое равновесие между типологическими установками словаря и их реализацией в различных зонах словарной статьи, то с другой стороны, в процессе конкретной словарной работы выявляются значительные сложности, вынуждающие описывать языковой материал противоречиво, непоследовательно, а иногда и ошибочно. Объективной причиной этого являются теоретические противоречия в концепции словаря, что в конечном итоге не позволяет считать найденный компромисс между фундаментальными принципами словаря удачным. Именно *методология* словарной работы при составлении БАС оказывается самым уязвимым следствием теоретической неразработанности концепции.

Заключение

Проблема компромиссного объединения в концепции БАС двух противоположных начал – нормативного и исторического, является исторически сложившимся теоретическим (типологическим) противоречием, которое ведет к значительным методологическим затруднениям при работе над словарем.

Попытки решения этой проблемы были. Самый простой выход из ситуации был предложен Л.В. Щербой: «На вопрос, как же надо поступать, я, не задумываясь, отвечаю: надо делать два словаря, один – нормативный, а другой – справочник <…>. Если нельзя сделать двух словарей, надо вступить на путь компромиссов, четко их оговаривая» [11. С. 96–97]. Именно этим путем и пошла Академия наук, предложив тип большого академического словаря как *нормативного* словаря с элементами историзма, приводимыми для *справки*. Однако практическое воплощение позже показало, что принцип историзма пронизывает всю лексико-семантическую систему языка и не может быть сведен на справочный уровень. Отклонение от первоначального замысла наметилось уже в самом начале работы над словарем, а сегодня даже приводит к расширительным трактовкам концепции БАС-3 – как «дескриптивного словаря» (Л.Е. Кругликова) или «словаря-тезауруса» (А.С. Герд), что прямо противоречит установкам, однозначно сформулированным в предисловии: «БАС – это нормативный словарь» [4. Т. 1. С. 3].

Проблему соотношения принципов нормативности и историзма в большом словаре можно охарактеризовать как теоретически важную и, в некотором роде, центральную лексикографическую проблему: через ее решение определяется и тип словаря, и его адресат, и методология словарной работы, и – шире – специфика исторического пути русской толковой лексикографии. Ее решение, таким образом, связано и с историей, и с теорией, и с практикой составления толковых, особенно академических, словарей.

Решенная в работах классиков (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов) *теоретически*, она остается насущной *практической* проблемой фундаментальной толковой лексикографии постольку, поскольку по-прежнему существует и не решена в большом академическом словаре – главном и самом большом словаре русского языка. Поэтому поиск конкретных лексикографических приемов для реализации принципов нормативности и историзма в рамках одного издания – это не проблема одного, пусть и самого большого, словаря, а проблема теории отечественной лексикографии в целом, проблема, которая требует анализа и решения в том числе потому, что после завершения работы над БАС-3 насущной необходимостью станет создание следующего, безусловно, цифрового большого академического словаря. Теоретические ошибки прошлого отечественной лексикографии не должны оставаться в ее будущем.

Список источников

1. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. 632 с.

2. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 1–17 / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов, Ф.П. Филин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

3. *Словарь* современного русского литературного языка : в 20 т. Т. 1–6 / гл. ред. К.С. Горбачевич. М. : Рус. яз., 1991–1994.

4. *Большой* академический словарь русского языка. Т. 1–27 / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

5. *Герд А.С.* Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 948–953.

6. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.

7. *Виноградов В.В.* Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.

8. *Проект* Словаря современного русского литературного языка / отв. ред. И.И. Мещанинов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 98 с.

9. *Чернышев В.И.* Принципы построения академического Словаря современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1939. № 2. С. 50–53.

10. *Воронцов Р.И.* Еще раз о нормативности и историзме академического толкового словаря большого типа // История, теория и практика академической лексикографии / отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб. : ИЛИ РАН, 2022. С. 95–120.

11. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.

12. *Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Язык газеты / под ред. Н.И. Кондакова. М. ; Л. : Гос. изд-во легкой промышленности, 1941. С. 353–395.

13. *Словарь* церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. Наук. Т. I–IV. СПб., 1847.

14. *Постановление* Президиума АН СССР // Вестник АН ССР. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.

15. *Стенограмма* собрания Отделения литературы и языка АН СССР по обсуждению проекта и I тома Словаря современного русского литературного языка. 26 мая 1939 г. Рукопись // Архив Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН.

16. *Инструкция* для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / ред. С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, А.М. Бабкин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 88 с.

17. *Бабкин А.М.* Устарелые слова в современном языке и словаре // Современная русская лексикография, 1981 : сб. ст. / отв. ред. А.М. Бабкин. Л. : Наука, 1983. С. 4–33.

18. *Генералова Е.В.* Устаревшая лексика русского языка: вопросы преподавания и лексикографической интерпретации // Journal of Applied Linguistics. 2019. Т. 1, № 2. С. 371–380.

19. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М. ; Л. : Наука, 1965. 566 с.

20. *Словарь* русского языка XVIII века. Вып. 1–22 / гл. ред. Ю.С. Сорокин, З.М. Петрова, А.А. Алексеев. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2019 (издание продолжается). Т. 9, 20.

References

1. Kozyrev, V. A. & Chernyak, V. D. (2015) *Leksikografiya russkogo yazyka: vek nyneshniy i vek minuvshiy* [Lexicography of the Russian language: the current century and the past century]. 2nd ed. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.

2. Chernyshev, V.I. et al. (eds) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Vols 1–17. Moscow; Leningrad: USSR AS.

3. Gorbachevich, K.S. (ed.) (1991–1994) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 volumes]. Vols 1–6. Moscow: Rus. yaz.

4. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (eds) (2004–2021) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–27. Moscow; St. Petersburg: Nauka,

5. Gerd, A.S. (2015) Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka kak slovar'-tezaurus [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a Thesaurus Dictionary]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: sb. statey k 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Academician A.A. Shakhmatov: life, works, scholarly heritage: Articles on the 150th anniversary of his birth]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 948–953.

6. Ozhegov, S.I. (1952) O trekh tipakh tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka [About three types of explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 85–103.

7. Vinogradov, V.V. (1966) Semnadtsatitomnyy akademicheskiy slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya [Seventeen-volume Academic Dictionary of the Modern Russian Literary Language and its Significance for Soviet Linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 3–26.

8. Meshchaninov, I.I. (ed.) (1938) *Proekt Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Project of the dictionary of the modern Russian literary language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

9. Chernyshev, V.I. (1939) Printsipy postroeniya akademicheskogo Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. [Principles of the design of the academic dictionary of the modern Russian literary language]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 50–53.

10. Vorontsov, R.I. (2022) Eshche raz o normativnosti i istorizme akademicheskogo tolkovogo slovarya bol'shogo tipa [Once again about the normativity and historicism of the academic explanatory dictionary of a large type]. In: Priemysheva, M.N. (ed.) *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoy leksikografii* [History, theory and practice of academic lexicography]. St. Petersburg: ILS RAS. pp. 95–120.

11. Shcherba, L.V. (1940) Opyt obshchey teorii leksikografii [An experience of the general theory of lexicography]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka.* 3. pp. 89–117.

12. Vinogradov, V.V. (1941) Tolkovye slovari russkogo yazyka [Explanatory dictionaries of the Russian language]. In: Kondakov, N.I. (ed.) *Yazyk gazety* [Language of the newspaper]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo legkoy promyshlennosti. pp. 353–395.

13. Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (1847) *Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sost. Vtorym otd. Akad. nauk* [Dictionary of

Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. Vols I–IV. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. *Vestnik AN SSR*. (1937) Postanovlenie Prezidiuma AN SSSR [Decree of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR]. 7–8. p. 80.

15. Archive of the Department of Lexicography of the Modern Russian Language, ILS RAS. (1939) *Transcript of the meeting of the Department of Literature and Language of the USSR Academy of Sciences on the discussion of the project and Volume I of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language.* May 26, 1939. Manuscript. (In Russian).

16. Obnorskiy, S.P. et al. (eds) (1958) *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadtsati tomakh)* [Instructions for compiling the Dictionary of the Modern Russian Literary Language (in fifteen volumes)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

17. Babkin, A.M. (1983) Ustarelye slova v sovremennom yazyke i slovare [Obsolete words in the modern language and dictionary]. In: Babkin, A.M. (ed.) *Sovremennaya russkaya leksikografiya, 1981: Sbornik statey* [Modern Russian lexicography, 1981: Articles]. Leningrad: Nauka. pp. 4–33.

18. Generalova, E.V (2019) Obsolescent vocabulary of the russian language: Educational and lexicographic interpretation issues. *Journal of Applied Linguistics*. 1 (2). pp. 371–380. (In Russian).

19. Sorokin, Yu.S. (1965) *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka* [Development of the vocabulary of the Russian literary language. 1830s–1890s]. Moscow; Leningrad: Nauka.

20. Sorokin, Yu.S. et al. (eds) (1984–2019) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vols 1–22. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

***Сведения об авторах*:**
Воронцов Роман Игоревич – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com
Приемышева Марина Николаевна – д-р филол. наук, зав. Отделом лексикографии современного русского языка, зам. директора Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru
Пурицкая Елизавета Владиславовна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: purichi@list.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Roman I. Vorontsov, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Marina N. Priemysheva, Dr. Sci. (Philology), head, Department of Modern Russian Lexicography; deputy head, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru
Elizaveta V. Puritskaya, Cand. Sci. (Philology), senior researcher, Department of Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: purichi@list.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 15.01.2023;
approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 28–43
Russian Journal of Lexicography. 2023, 28, pp. 28–43

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья
УДК 811.511.132
doi: 10.17223/22274200/28/2

Русско-зырянский словарь Лепехина-Ундольского: к истории открытия и изучения

Галина Валерьяновна Федюнева[1]

[1] *Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия, gfedyuneva@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы изучения русско-зырянского словаря-разговорника, опубликованного в III томе «Дневных записок…» И.И. Лепехина. Внимание акцентируется на текстологическом анализе ранее не обследованного зырянского словаря, находящегося в архивном фонде В.М. Ундольского, который традиционно считается отдельным списком словаря Лепехина. В результате сравнительного анализа выявлены и интерпретированы сходства и различия словарей, в научный оборот введены словарные материалы, значимые для их идентификации.

Ключевые слова: историческая лексикография, памятники письменности, словарь-разговорник, коми-зырянский язык

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Для цитирования: Федюнева Г.В. Русско-зырянский словарь Лепехина-Ундольского: к истории открытия и изучения // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 28–43. doi: 10.17223/22274200/28/2

© Г.В. Федюнева, 2023

Original article
doi: 10.17223/22274200/28/2

Russian-Zyryan dictionary of Lepyokhin–Undolsky: To the history of discovery and study

Galina V. Fedyuneva[1]

[1] *Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation, gfedyuneva@mail.ru*

Abstract. The publication summarizes the history of studying one of the main documents of the historical lexicography of the Komi language – the Russian-Zyryan dictionary-phrasebook, discovered by academician Ivan Lepekhin during his expedition in 1771. In terms of structure and lexical composition, the document was studied in the middle of the last century, but the history of its discovery, origin and attribution (authorship, possible source, etc.) have not yet been the subject of special research. The authors touch upon one of the important aspects of this problem, namely, the problem of identifying lists and establishing earlier sources of the dictionary. They comprehensively analyze the manuscript of the Zyryan-Russian dictionary-phrasebook in the archival collection of Vukol Undolsky. This manuscript is traditionally considered an independent list going back to some kind of an original common with the Lepyokhin dictionary. The document is considered from the point of view of its origin and relation to Lepyokhin's dictionary-phrasebook; the processed vocabulary material significant for their identification is introduced into scholarly discourse. The analysis showed that the structure and content of the compared dictionaries are almost identical. A large number of errors, distortions of Komi words, inaccurate and incorrect translations, missing words, etc., common to both dictionaries, were revealed. The discrepancies in the compared texts are insignificant. These include: (a) Komi words, erroneous spelling in which is explained by the fact that they are transmitted from a language unknown to the copyist; (b) Russian words and borrowings, in which the copyist's correction was made; (c) most of the discrepancies concerning the merged/separate spelling of Komi words are explained by the peculiarities of the copyist's handwriting and his spelling preferences. Indirect evidence in favor of the author's version is also provided by other Komi materials from the Undolsky collection, which are generally comparable with the expedition materials of Lepyokhin. This is the Komi-Permyak dictionary, written down personally by Lepyokhin in the Komi-Permyak village Selishchi, the names of the letters of the ancient Permyak alphabet and the count in the Komi-Zyryan language, published in "Daily Notes". The comparative analysis of the dictionaries of Lepyokhin and Undolsky, according to the author, does not allow us to make an unambiguous conclusion about the recognition of the above dictionaries as independent

lists from an earlier original. Almost all the discrepancies in the texts of dictionaries, the totality of common errors, inaccuracies and distortions of Komi words, as well as indirect evidence of Undolsky's familiarization with the expedition materials on the Komi language published in Volume III of "Daily Notes", testify in favor of the fact that the dictionary in the Undolsky collection is a handwritten copy of Lepyokhin's dictionary.

Keywords: historical lexicography, written evidence, dictionary-phrasebook, Komi-Zyryan language

Acknowledgements: The article was prepared as part of the implementation of the state assignment to the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Project No. FUUU-2021-0008.

For citation: Fedyuneva, G.V. (2023) Russian-Zyryan dictionary of Lepyokhin–Undolsky: To the history of discovery and study. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 28. pp. 28–43. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/2

Введение

В истории коми языка русско-зырянский разговорник Лепехина-Ундольского занимает особое место. Он относится к немногочисленной группе памятников светского содержания и является ценным источником изучения не только исторической лексикологии и лексикографии, но и исторической фонетики и грамматики коми языка.

Разговорник был опубликован И.И. Лепехиным в 1780 году в III томе его «Дневных записок…» вместе с главным памятником древнегокоми языка – переводом божественной литургии[1] и названиями букв стефановской азбуки, которые Лепехин нашел «у некоторых любопытных людей» 23 июля 1771 г. в с. Подкиберское, недалеко от бывшего Вотчинского монастыря, основанного Стефаном Пермским [1. С. 242–260].

Словарь напоминает русско-иноязычные словари-разговорники XVI–XVII вв., которые составлялись с практическими целями: он содержит около двухсот слов и словосочетаний, фрагментов диалогов и высказываний, в большинстве своем тематически связанных с торговлей или бытовыми ситуациями[2].

[1] Так называемые лепехинские тексты: переводы обеденных молитв и песнопений с заупокойным Евангелием и Апостолом на древнепермском языке.

[2] О структуре и лексическом составе памятника см. подробнее в [2. С. 90–94].

В отличие от других словарных материалов XVIII в., а также черновых экспедиционных бумаг самого Лепехина[1], этот словарь получил хорошую лингвистическую обработку и освещение. Он был перепечатан, расшифрован и комментирован В.И. Лыткиным в его известной работе «Древнепермский язык» как подсобный материал при чтении древнепермских текстов [4. С. 148–161].

Вопрос об оригинале, с которого был перепечатан словарь, остается открытым. Сам Лепехин происхождение словаря никак не комментирует, а просто пишет, что к найденному переводу обедни на зырянском языке он прибавляет некоторые собранные слова «темъ наипаче что они цѣлыя содержатъ рѣчи, из чего о свойствѣ ихъ (зырян. – *Г.Ф.*) языка удобнеѣ понимать можно, нежели изъ простаго словъ собранія» [1. С. 250].

В.И. Лыткин, видимо, опираясь на эту запись, а также на то, что Лепехин «имел обыкновение записывать во время путешествия слова разных национальностей», предположил, что Лепехин мог сам записать зырянские слова с помощью переводчика, хотя неясно, где и когда [4. С. 148]. Исходя из этого предположения, он приписывает графико-орфографические особенности и неточности перевода Лепехину, например, в комментариях к тексту словаря пишет: «У Лепехина русский перевод неправильный…», «не перепутал ли переводчик Лепехина утку с гусем?», «может, нужно перевести <слово> не “снег” (как это делает Лепехин), а как уголь» и др. [4. С. 160, п. 9–11, 15; 161, п. 22, 23, 27, 30, 31].

Однако позже Лыткин меняет свое мнение, видимо, потому, что З.И. Кузнецовой, его аспиранткой, в архивном фонде В.М. Ундольского[2] был обнаружен такой же словарь. Кузнецова интерпретирует его как отдельный список памятника, хотя он почти тождествен с лепехинским разговорником [3. С. 236].

В более поздних работах 70–80-х гг., посвященных истории коми литературного языка, В.И. Лыткин уже определенно говорит о двух списках словаря. Эти списки, по его мнению, могут восходить к общему источнику и, возможно, даже к оригиналу, который был написан стефановской азбукой. Он также присоединяется к ее мнению, что

---

[1] Рукописные материалы И.И. Лепехина, содержащие коми лексику, находятся в публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в бумагах Аделунга, шифр аз № 28 [3. С. 233–236].

[2] Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Ф. 310. № 59.

подобного рода рукописные словарики и разговорники в XVIII в. имели широкое хождение [3. С. 237; 5. С. 37; 6. С. 305; 7. С. 20].

Между тем словарь Ундольского до сих пор не получил почти никакого освещения. Ему посвящено чуть больше страницы в статье З.И. Кузнецовой «Обзор памятников письменности XVIII века» 1958 г. [3. С. 236–237]. Этот же текст изложен в ее диссертации «Язык письменных коми памятников XVIII века» [5. С. 35–37]. Ссылаясь на то, что словарь Лепехина рассмотрен в работе В.И. Лыткина, З.И. Кузнецова отмечает только отдельные пропуски слов и отличия в их написании. Сам текст словаря она не публикует, к слову, он остается неопубликованным до сих пор.

Очевидно, что словарь Ундольского требует дополнительного обследования, а выводы о возможном широком хождении разных списков более древнего словаря требуют дополнительной верификации.

Сравнительный анализ текста словарей Лепехина и Ундольского

Сегодня материалы по коми языку из фонда В.М. Ундольского находятся в свободном доступе[1], что позволяет провести более детальный лингвистический анализ обоих словарей с точки зрения языка, лексического состава, графико-орфографических особенностей письма и их соответствия друг другу.

Словари Лепехина и Ундольского полностью идентичны по структуре и содержанию. Общее количество словарных статей[2] в целом совпадает: в словаре Лепехина их 214, Ундольского – 211. В последнем отсутствуют три статьи: (с. 250)[3] Стрѣтенїя день – *воичало лунъ*,

[1] URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48

[2] Под словарной статьей здесь мы понимаем как отдельные слова (например, Ангелъ – *ангиль*; голова – *юръ* и т.д.), грамматические формы (вроде свинья, свиньи – *порсь*, *порсьясъ*), перечни разных слов (например, кошка, лошадь – *канъ, вовъ*; собака, сука, щенята – *понъ, инъ понъ, кычанъяс понъясъ*), так и словосочетания (например, Сила Божїя – *Вынъ Енлонъ*; въ суконном ряду. – *нойясъ рядынъ*), устойчивые выражения (вроде Стрѣтенїя день – *воичало лун*), целые предложения (например, собака лаетъ – *полъ увто*; таможенная пошлина велика здѣсь – *канъ керка ижидъ татонъ*).

[3] Здесь и далее фактический материал приводится по публикации И.И. Лепехина [1], в скобках перед примерами указывается страница этого списка. Сравнительный материал дается с общей ссылкой: (Л.) – словарь Лепехина, (У.) – словарь Ундольского.

(с. 251) малъ человѣкъ – *дзеля мортъ* и (с. 254) много, мало свиней – *уна, зеля порсьясъ*. В статье (с. 257) звѣри, звѣрю, звѣрей много – *звъръяс, звърлы, уна звърлы* у Ундольского отсутствует коми перевод[1]. Последовательность изложения словарного материала, его язык, диалектная принадлежность и собственно лексический состав также полностью совпадают.

Вместе с тем в текстах имеются и «многочисленные расхождения в написании одних и тех же слов», которые, по мнению З.И. Кузнецовой, позволяют утверждать, что словарь Ундольского не списан с лепехинского, а является самостоятельным списком [3. С. 236].

Чтобы проверить это утверждение, необходимо выявить эти несоответствия и отдельно рассмотреть совокупность совпадений и расхождений в их написании.

I. Сравнительный анализ текстов показал, что в преобладающем большинстве случаев буквенный состав и словораздел в них полностью совпадают. Кроме того, выделяется большой пласт неточностей и ошибочных написаний, общих для обоих списков. Нами обнаружено более 50 таких случаев, к которым относятся:

1) одинаковая замена, пропуск или вставка лишних букв, их перестановка: (с. 250) Христе Боже. – Кристосъ **ей**мо, совр. *Кристос* ***Ен****мö*; (с. 250) Вознесенїе день – нуис**пъ** лунъ, совр. ? < * *нуис* «унес»; (с. 251) Великой постъ – ижидъ виз**дь**, вместо совр. *вид****з***; (с. 251) воскресенїе – веж**е** лунъ, вместо *вежа*; (с. 251) вить есть у тебя глаза – выимъ тена**съ** синъяс, вместо *тенад*; (с. 252) соски – ня**ис**, совр. *някъяс*; (с. 253) худые люди. – омоль воиты**мъ**, вместо *воиты****р***; (с. 253) почто ты сюда приѣехал и съ каким товаром? – мыля потататче воин**нъ** и кучом вузонъ вместо *воин*; (с. 253) улица большая – пу**сыр**ь ижидъ, вместо *пу****рыс****ь*; (с. 253) на которой ты улицѣ стоишъ? – коде те пурысинъ сулала**м**, вместо *сулала****н***; (с. 254) говори правду. – воипъ веста**нъ**, вместо *весьта****с***; (с. 254) поросята – порспїя**лъ**, малыя поросята – зеля порспїя**лъ**, вместо *порсьпия****н***; (с. 255) собака лаетъ. – по**лъ** увто, собаку зашибъ. – по**лъ**есъ варты, вместо *по****н***; (с. 255) перстень серебряной, золотой – чюнкычъ **я**зысь, зарни, вместо ***э****зысь*; (с. 256) что не ѣдешъ к Москвѣ? – мый те онму**мъ** **А**нкаро, вместо *он му****н***

[1] В статье З.И. Кузнецовой отмечены также пропуски словарных статей (с. 250) Христе Боже – *Кристосъ еймо* и (с. 259) лѣто, зима, весна, осень – *гожемъ*, *товъ*, *тулысъ*, *аръ*, что не соответствует действительности. Они есть в обоих списках.

К**анкарö*; (с. 256) видѣлъ ево въ Москвѣ – Адзили ме сые Канкар**ы**дъ, вместо *Канкар**а**д*; (с. 256) пять пудъ – вид**ъ** пудъ вместо *ви**т; (с. 256) утица, селезень. – чожъ, **ч**орда, вместо *горда*; (с. 256) море. – сариз**ь**, вместо *сари**дз***; (с. 257) волкъ, лисица. – каинъ, ручъ, вместо *к**ö**ин*; (с. 257) замокъ пищальной – томанъ пищ**а**лонъ, изъ пищали убилъ – пишал**е**съ виисъ, совр. *пищ**а**л**ь**лöн*, *пищ**а**л**ь**ысь*; (с. 257) бобръ, горностай – мой, чюдморъ вместо *чу**ж**мöр*; (с. 257) баня, мыло, веникъ – пывсянъ, майто**в**ъ, короc**ы**, совр. *майтöг, корöс**ь***; (с. 257) зделалъ ли ты – к**о**рино те, совр. *к**е**рин*, диал. *к**а**рин*; (с. 258) палица, бочка, дуга, шапка – паличъ, аща, мегыръ, юръ к**и**шодъ, совр. *к**ы**шöд*; (с. 258) видѣлъ я во снѣ что грабили – адзили ме вотонъ ежмалиснылъ, вместо *ежмалиснысъ*; (с. 258) откудова ты нынѣ приѣхалъ? – **в**ытысь те оны воинъ, вместо *кытысь*; (с. 258) а отца твоего какъ зовутъ? – даайто тен**г**и**н**ъ кузи шуоны, совр. *тэн**сь**ыд*; (с. 258) и ежели есть, то ты с нею пойди к боярину – а токо выимъ, те сыон **л**унъ шыаясордо, вместо ***м**ун*; (с. 259) чего спрашиваешъ? – мый ю**р**ланъ, вместо *ю**а**лан*; (с. 259) молотокъ, замокъ – молотторъ, томо**к**ъ, вместо *тома**н***; (с. 259) храм, олтарь, трапеза – ви**т**ко, вовтарь, трпезда, вместо *ви**ч**ко*; (с. 259) вино, пиво, медъ – к**ы**ры**н**ва, суръ, ма, вместо *к**у**ры**д**ва*; (с. 259) огонь, снѣгъ, земля, трава, дерево – би, л**о**нъ, ма, турынъ пу, вместо *л**ым***; (с. 259) лопатка, камень, огородъ – знуръ, **я**зъ. почисъ, вместо ***и**з*; (с. 259) рожь, ячмень, овесъ, пшеница – ру**зз**а**к**ъ, зоръ, шобды, совр. *ру**дз**öг*; (с. 259) серпъ, косить – **т**арла, ичкын**ъ**, вместо ***ч**арла*, *ытшкын**ы***;

2) наличие слов, непонятных с точки зрения современного коми языка: (с. 253) и ты пошли цѣловальника, подъячева – итъ исты **ака**л**ыс**нъ, дагижизесъ; (с.255) трои сапоги не давать – **кунас** сапогъясъ инъ сетъ; (с. 256) вилки – **зелыледъ**; (с. 256) гусь, гусыня – **возесъ**; (с. 257) кровля, потолок – вевт, **вотва**; (с. 258) палица, бочка, дуга, шапка – паличъ, **аща**, мегыръ, юръ кишодъ; (с. 258) по чьему ты приказу ѣдешъ сюды? – кинъ те **токъ кузы** воин татчи; (с. 259) колокольня, колоколъ, колокола – жинъян**ор**ъ, жиньянъ, жинъянъясъ; (с. 259) лопатка, камень, огородъ – **знуръ**, язъ. почисъ;

3) наличие общих ошибок в словоразделе: (с. 251) слѣпой видишъ ли? – синтом адзяно, вместо совр. *синтöм аддзан-ö*; (с. 252) не умѣтъ торговать – онкудь вузасьны, совр. лит. *он куж вузасьны*;

4) наличие общих неполных по структуре и смыслу высказываний: (с. 253) подъячева далъ – **аги жомысъ**; (с. 255) надѣнь сапоги да по-

ди – (*пропуск слова*) сапогъясъ да мунъ; (с. 255) холодныя рукавицы – кушъ шонымъ (*пропуск слова*).

II. Наличие расхождений в написании слов и словосочетаний, а также их количество являются важным аргументом при идентификаци близких по происхождению памятников. В сравниваемых текстах разночтения обнаруживаются в следующих орфографических ситуациях.

1. В 17 случаях[1] наблюдается несовпадение буквенного состава при передаче коми слов, а именно: (с. 250) Христе Боже – **К**ристосъ еймо (Л.) – **х**ристосъ еймо (У); (с. 251) Воздвиженїе честнаго креста день – **з**движенья лунъ (Л.) – движенья лунъ (У); (с. 251) Пророкамъ – пророкъ**ял**сы (Л.) – пророкъ**яс**лы; (с. 251) головы – **я**ръясъ (Л.) – **ю**ръясъ (У.); (с. 251) не много смотри однимъ – неу**н**а визедъ от**и**насъ (Л.) – неу**д**а визедъ от**к**насъ (У.); (с. 251) бояринъ – б**а**яръ (Л.) – б**о**яръ (У.); (с. 251) боярыня – б**а**ярань (Л.) – б**о**ярань (У.); (с. 251) велик человѣкъ – ижи**д**ъ мортъ (Л.) – ижи**т**ъ мортъ (У.); (с. 254) сѣробелая лошадь – руд ежи**ш**ъ (Л.) – руд ежи**д**ъ; (с. 254) баранье мясо, баранина – ме**ж**ъ яй (Л.) – ме**ш**ъ яй (У.); (с. 255) что у тебя худы сапоги?– сапогъясъ к**ы**чилсись тенадъ? (Л.) – сапогъясъ к**и**чилсисъ тенадъ (У.); (с. 255) высоко, ниско, гораздо, не гораздо – **ж**ужидъ, ляпкыдъ, зелыцыонъ, зелыцъ (Л.) – **м**ужидъ ляпкыдъ зелыцыонъ зелыцъ (У.); (с. 256) журавль, воронъ, галка, сорока – тури, к**у**рнышъ, чавка, кача (Л.) – тури к**ы**рнышъ чавка кача (У.); (с. 257) солоница, тын – сола**л**ъ той, заругъ (Л.) – сола**н**ъ той заругъ (У.); (с. 257) скажи ему такъ – виставъ с**ы**лы сыза (Л.) – виставъ с**и**лы сыза (У.); (с. 258) незамай пусть лежитъ. – инзоплавъ мед куи**л**о. (Л.) – не замай пусть лежитъ – инзоплавъ мед куи**м**о. (У.); (с. 258) топор, дрова, сѣно, дровни. – теръ, песъясъ, тырынъ, пудой**д**ъ (Л.) – теръ песъясъ тырынъ пудой**т**ъ (У.).

2. В 9 словарных статьях имеются расхождения в раздельно-слитном написании коми слов и слогов: (с. 252) плеча – пельпонъяс

[1] З.И. Кузнецова приводит 20 таких расхождениях [3. С. 237], из которых 7 являются результатом неверного прочтения; при максимальном увеличении текста очевидно, что «расхождение» объясняется особенностями почерка переписчика. В статьях: (с. 251) али нѣту – тенадъ синъ абу (Л.) – тенадъ **с**инъ абу (У.); (с. 252) лице – нырвомъ (Л.) – **н**ырвомъ (У.); (с. 252) руки – кырымъясъ (Л.) – к**ы**рымъясъ (У.); (с.) плеча – пельпонъяс (Л.) – пель по**н**ъяс (У.); (с. 252) не умѣть торговать – онкудъ вузавны (Л.) – онкудъ вузавны (У.); (с. 255) перстень серебряной, золотой – чюнкычь язысь, зарни (Л.) – чюнкы**ч**ь язысь зарни (У.); (с. 256) перецъ – гормогъ (Л.) – гормо**г**ъ (У.) отклонений в буквенном составе нет.

(Л.) – пель понъясъ (У.); (с. 253) не продавать здѣшнимъ людямъ – озъвузавъ татце, вои- (*перенос на другую строку*) тыркотъ (Л.) – озъвузавъ татце вои (*перенос на другую строку без черточки*) тыркотъ (У.); (с. 253) всѣ обманываютъ и правды не сказываютъ – быдонъ поръялоны авесъ (*перенос без черточки*) кыда осъвиставъ (Л.) – быдонъ поръялоны а весъ кыда осъвиставъ (У.); (с. 253) почто ты сюда приѣехал и съ каким товаром? – мыля **по**тетатче воиннъ и кучом вузонъ? (Л.) – мыля **по** тетатче воиннъ и кучом вузонъ (У.); (с. 254) собака, сука, щенята – понъ, инъ понъ, кычанъ- (*перенос*) ясъ понъясъ (Л.) – понъ инъ понъ кычанъ **ясъ** понъясъ (У.); (с. 255) идти по сапоги. – мунны сапогъясъ (Л.) – мунны сапогъ **ясъ** (У.); (с. 257) не говори чтобъ тебѣ худо не было – медъ теныдъ амолъазло (Л.) – медъ теныдъ амолъ **азло** (У.); (с. 258) и ежели есть, то ты с нею пойди к боярину – а токо выимъ, те сыон лунъ шыаясордо (Л.) – а токо выимъ те сыон лунъ шыаяс**-ордо** (У. *через дефис*!); (с. 258) а отца твоего какъ зовутъ? – даайто тенгинъ кузи шуоны? (Л.) – а отъца твоего какъ зовутъ – **да ай то** тенгинъ кузи шуоны (У.).

3. Интересно отметить, что в рукописи Ундольского есть отклонения от лепехинского текста не только в коми, но и в русской части словаря. Всего обнаружено 12 таких случаев, это: а) *пропуски букв*: (с. 251) Рож**д**ество Богородицы (Л.) – Рож<д>ество Богородицы (У.); (с. 253) пришелъ я в таможню объявливат**ь**ся (Л.) – пришелъ я в таможню объявливат<ь>ся (У); (с. 253) говори што то въ боч**ь**кахъ (Л.) – говори што то въ боч<ь>кахъ (У.); (с. 255) шляпа черная мален**ь**кая (Л.) – шляпа черная мален<ь>кая (У.); б) *добавление букв*: (с. 257) поди <> заранья прочь доколѣ ты не битъ (Л.) – поди **съ** заранья прочь доколѣ ты не битъ (У.); (с. 258) а от<>ца твоего какъ зовутъ? (Л.) – а от**ъ**ца твоего какъ зовутъ (У.); в) *замена букв*: (с. 250) Вознесенї**е** день – нуиспъ лунъ (Л.) – Вознесені**я** день – нуиспъ лунъ (У.); г) *описки*: (с. 256) ло**ж**ка (Л.) – ло**ш**ка (У.); (с. 259) да ты здѣ**с**ь хочешъ торговать, или куда инуды ѣдешъ? (Л.) – да ты здѣ**ш**ъ хочешъ торговать или куда инуды ѣдешъ (У.); д) *расхождения в словоразделе*: (с. 253) **почто** ты сюда приѣехал и съ каким товаром? – (Л.) – **по что** ты сюда приѣехал и съ каким товаром (У.); (с. 258) **не**замай пусть лежитъ. (Л.) – **не** замай пусть лежитъ (У.); (с. 258) **естьли** у тебя отпускная ? (Л.) – **есть ли** утебя отпускная (У.); (с. 258) **откудова** ты нынѣ приѣхалъ? (Л.), **отъ кудова** ты нынѣ приѣхалъ (У.).

Кроме приведенных разночтений, текст словаря Ундольского отличается полным отсутствием знаков препинания. На его фоне публика-

ция Лепехина выглядит отредактированной: практически все словарные статьи в ней заканчиваются точкой или вопросительным знаком, внутри статей при необходимости использованы запятые. Многие слова вроде Бог, Сын Божий, Иерусалим, Канкар, названия религиозных праздников и другие, иногда слова в начале предложения у Лепехина прописаны с заглавной буквы, а у Ундольского – со строчной, например, (с. 256) видѣлъ ево въ Москвѣ – Адзили ме сые Канкарыдъ (Л.) – видѣлъ ево въ москвѣ – адзили ме сые канкарыдъ (У.).

Комментарии и авторская версия происхождения списка Ундольского

Количественное соотношение совпадений и расхождений в текстах словарей допускает несколько возможностей их интерпретации: 1) тексты списаны с одного источника; 2) имеют разные источники, которые восходят к более раннему оригиналу; 3) списаны один с другого, в данном случае список Ундольского является рукописной копией с публикации Лепехина.

Вопрос об оригинале словаря, найденного И.И. Лепехиным в 1771 г. в коми селе Подкиберское, остается открытым; возможно, он утрачен и мы имеем лишь его копию, опубликованную в 1780 г.

Источник второго (рукописного) списка также неизвестен. Учитывая личность В.М. Ундольского, который был известным исследователем рукописной и старопечатной книги, действительным членом «Общества истории и древностей российских», всю жизнь служил в крупных московских архивах, работал над библиографическими описаниями их фондов и сам имел большую коллекцию древних рукописей, можно предположить, что у него действительно мог быть свой оригинал, отличный от лепехинского. Но в таком случае он сохранил бы его для своей коллекции или хотя бы что-то сообщил о нем, однако никаких сведений об источнике словаря нет ни в переписанных им материалах, ни в авторском введении к ним.

Исходя из этих соображений, сегодня у нас больше оснований считать, что словарь Ундольского является рукописной копией словаря Лепехина, тем более что он датирован 1798 г., т.е. с разницей в восемнадцать лет после публикации лепехинского списка.

С этой позиции выявленные сходства и различия в сравниваемых текстах могут быть интерпретированы более последовательно. Как отмечалось, словари по структуре и содержанию почти тождествен-

ны, отличия касаются только написания отдельных слов и словосочетаний. Расхождения эти не такие значительные: из 211 общих словарных статей по написанию полностью совпадают 178, отклонения обнаруживаются в 33 статьях. Разночтения имеют разное происхождение и требуют отдельного комментирования.

Во-первых, это несовпадения в слитно-раздельном написании коми слов, которые могут быть связаны с особенностями письма переписчика: текст изложен размашистым, разборчивым почерком, буквы четко прописаны, находятся на некотором расстоянии друг от друга, без явной связки между ними. Иногда раздельное написание объясняется переносом слова с одной строки на другую без использования знака переноса (как и других знаков препинания!).

Далее, особо значимым, на наш взгляд, является то, что расхождения со словарем Лепехина имеются в русской части словаря, которые могут быть рассмотрены не только как ошибки и описки переписчика, но и как исправления (замена букв, изменение словораздела и др.).

О том, что Ундольский мог вносить правку в переписываемый текст, косвенно свидетельствует использование им прописных и строчных букв. Если в лепехинском тексте заглавные буквы использованы непоследовательно, в основном в первых статьях словаря, то у Ундольского с заглавной буквы прописано только первое слово «Бог», а остальной текст дан со строчной буквы.

Возможной редакционной правкой могут объясняться и некоторые расхождения в коми тексте. Так, расхождения в словах (с. 250) Христе Боже – **К**ристосъ еймо (Л.) – **х**ристосъ еймо (У.); (с. 251) Воздвиженїе честнаго креста день – **з**движенья лун (Л.) – движенья лун (У); (с. 251) бояринъ – б**а**яръ (Л.) – б**о**яръ (У.), боярыня – б**а**ярань (Л.) – б**о**ярань (У.), похоже, появились в результате стремления переписчика приблизить написание русских слов, заимствованных в коми язык, к русской орфографии.

В нескольких случаях исправления внесены с целью единообразного письма коми слова, исходя из написания, которое уже встречалось в тексте ранее. Так, слово (с. 251) головы – **я**ръясъ (Л.) – **ю**ръясъ (У.) с начальным **ю** написано правильно, очевидно, с опорой на предыдущую статью: голова – **ю**ръ (Л.) – **ю**ръ (У.); слово (с. 251) Пророкамъ – пророкъя**лс**ы (Л.) – пророкъ**яс**лы (У.) исправлено также с учетом предыдущего написания: Пророки – пророкъ**яс** (Л.) – пророкъ**яс** (У.); в статье (с. 254) сѣробелая лошадь – руд ежи**шъ** (Л.) –

руд ежид**ъ** (У.) последнее слово написано верно с буквой **д**, так как в тексте встречается отдельное слово (с. 256) бѣлой – ежидъ.

Несовпадения в написании слов могут объясняться самим процессом переписки с незнакомого для переписчика языка, т.е. являются, так сказать, ожидаемыми описками. Известный исследователь древнерусской литературы Д.С. Лихачев назвал их ошибками внутреннего прочтения, или внутреннего диктанта, когда переписчик запоминает часть текста, затем про себя его произносит и дальше пишет, как произносит [8. С. 25]. Обычно это касается таких фонетических явлений, как озвончение, оглушение, различные виды синкопы и т.д. Подобные описки можно наблюдать в следующих примерах: (с. 251) велик человѣкъ – ижид**ъ** мортъ (Л.) – ижит**ъ** мортъ (У.); (с. 254) баранье мясо, баранина – ме**ж**ъ яй (Л.) – ме**ш**ъ яй (У.); (с. 256) ло**ж**ка – люсва (Л.) – ло**ш**ка – люсва (У.); (с. 257) не знаешъ какъ битъ будешъ – онъ то**д**ъ кузи песомалаон (Л.) – онъ то**т**ъ кузи песома лаон (У.); (с. 258) топор, дрова, сѣно, дровни. – теръ, песъясъ, тырынъ, пудой**д**ъ (Л.) – теръ песъясъ тырынъ пудой**т**ъ (У.).

Такого же рода ошибки, по мнению В.И. Лыткина, делали русские переписчики древнепермских текстов под влиянием их родного языка, например, вместо **ы** писали **и** [4. С. 160, п. 7]. Сравните: (с. 255) что у тебя худы сапоги? – сапогъясъ к**ы**чилсись тенадъ? (Л.) – сапогъясъ к**и**чилсисъ тенадъ (У.); (с. 257) скажи ему так – виставъ с**ы**лы сыза (Л.) – виставъ с**и**лы сыза (У.).

Наконец, есть три слова, в которых расхождения с текстом Лепехина могут объясняться банальной невнимательностью: (с. 255) высоко, ниско, гораздо, не гораздо – **ж**ужидъ, ляпкыдъ, зелыцыонъ, зелыцъ (Л.) – **м**ужидъ ляпкыдъ зелыцыонъ зелыцъ (У.); (с. 257) солоница, тын – сола**л**ъ той, заругъ (Л.) – сола**н**ъ той заругъ (У.); (с. 258) незамай пусть лежитъ – инзоплавъ мед куи**л**о (Л.) – не замай пусть лежитъ – инзоплавъ мед куи**м**о (У.).

Косвенным подтверждением изложенной версии являются другие памятники коми письменности, находящиеся в фонде В.М. Ундольского, в одной тетради с русско-зырянским словарем, которые также перекликаются с коми материалами «Дневных записок…».

Кроме словаря, озаглавленного «Словарь зірянской краткій», тетрадь содержит список Божественной литургии XVIII в., список древнепермской литургии «Служба за упокой», небольшой русско-пермяцкий словарь и список коми числительных. Все материалы

написаны одной рукой, следуют непосредственно друг за другом и завершаются собственноручной подписью Ундольского.

Предваряется тетрадь «Извещением», в котором содержатся краткие сведения о жизни и миссионерской деятельности Стефана Великопермского, а также приводятся названия букв составленной Стефаном зырянской азбуки. Перечень наименований и их количество полностью совпадают с азбукой, найденной и опубликованной И.И. Лепехиным [1. С. 241]. Примечательно, что некоторые названия букв, общие для списков Лепехина и Ундольского, отличаются от их названий в других списках стефановской азбуки, приведенных В.И. Лыткиным в сводной таблице [4. С. 168–169]. Так, буква Б имеет название *букъ* (во всех других списках – *буръ*), буква Е называется *ежой* (в других – *е*[1]), буква В – *вои* (в других списках – *во* или *о*). Отличает списки Лепехина и Ундольского написание двух слов: *коке* (Л.) – *коле* (У) и *сїй* (Л.) – *суй* (У.), что следует считать опиской Ундольского, поскольку такое наименование букв К и С не встречается ни в одном из имеющихся списков стефановской азбуки.

Перечень числительных в рукописи Ундольского тот же, что и в работе Лепехина, содержит как ряд общих ошибок: оти**нъ,** совр. *отик* «один», **и**вайтъ, совр. *квайт* «шесть», какъя мы**н**ъ (Л.), какъямы**н**ъ (У.), совр. *кökъямыс* «восемь», о**и**мысъ, совр. *ökмыс* «девять», ква**н**тымынъ, совр. *квайтымын* «шестьдесят», окмы**н**ъ дасъ, совр. *ökмысдас* «девяносто», какъямы**к**ъ сїо, совр. *кökъямыссё* «восемьсот», так и отдельные разночтения, ср.: нел**я**мынъ (Л.) – нел**ъ**мынъ (У.), совр. *нелямын* «сорок»; дас оти**н**ъ (Л.) – дас оти**м**ъ (У.), совр. *дас ötик* «одиннадцать»; к**о**къямы**н**ъ дасъ (Л.) – к**а**къямы**с**ъ дасъ (У.), совр. *кökъямысдас* «восемьдесят».

Далее, русско-пермяцкий словарь (всего 50 слов) не только идентичен со списком слов, записанных Лепехиным в коми-пермяцкой деревне Селища «от старика, сединами украшенного» [1. С. 196–197], но и постранично переписан в четыре столбца: по-русски – по-пермски, по-русски – по-пермски. Сохранены все ошибочные написания Лепехина, например, **с**онъ вместо *зонъ* «сын», **д**оръ вместо *горъ* «печь», челя**н**ъ вместо *челядь* «паренек», лаби**т**ъ вместо *лабичъ* «лавка», **г**ошъ вместо *тош* «борода», пи**ч**ъ вместо *пызь* «мука». Имеются

[1] В таблице В.И. Лыткина ошибочно приведено, что у Лепехина буква Е тоже называется *е*.

также отклонения в написании слов, прочтение которых затруднено и в лепехинской публикации: орсаншь (Л.) – орсшанмъ (У.) «играть»; синенсъ (Л.) – сизенемъ (У.) «глаза»; кура**к** (Л.) – курпа**м**ъ (У.) «курица»; ичиня (Л.) – **н** чиня (У.) «тетка»; кул**ь** (Л.) – кул**ъ** (У.) «черт».

Эти материалы свидетельствуют о том, что В.М. Ундольский был знаком со всеми коми текстами, опубликованными И.И. Лепехиным, и мог их переписать для своей коллекции.

Заключение

Вопросы атрибуции русско-зырянского словаря-разговорника, опубликованного И.И. Лепехиным в работе «Дневные записки», не могут быть полноценно исследованы без целенаправленного поиска оригинала памятника и его возможных аналогов. Дополнительную информацию по этим вопросам мог дать рукописный словарь В.М. Ундольского, который рассматривался как отдельный список с близкого, но иного, нежели словарь Лепехина, оригинала. Однако более детальное исследование показало, что этот словарь является скорее копией со словаря Лепехина, нежели отдельным списком с какого-то более раннего источника.

Выяснилось, что структура и содержание сравниваемых словарей почти полностью тождественны; в них обнаружено большое количество ошибок, описок, искажений коми слов, неточных и неверных переводов, пропущенных слов и словосочетаний, общих для обоих словарей.

Расхождения в сравниваемых текстах незначительны. К ним относятся: а) коми слова, ошибочные написания которых объясняются особенностями переписки теста с неизвестного для переписчика языка; б) русские слова и заимствования, которые могли быть внесены при переписке текста в результате корректорской правки; в) большинство расхождений, касающихся слитно-раздельного написания коми слов, объясняются особенностями почерка переписчика и его личными предпочтениями в правописании.

Косвенным свидетельством в пользу авторской версии служат другие коми материалы из фонда В.М. Ундольского, которые в целом сопоставимы с экспедиционными материалами И.И. Лепехина. Это коми-пермяцкий словарь, записанный лично Лепехиным в коми-пермяцкой деревне, названия букв древнепермской азбуки и счет на

коми-зырянском языке, опубликованные в «Дневных записках». Интересно с этой точки зрения рассмотреть также текст древнепермской обедни в собрании Ундольского, который является отрывком божественной литургии, близкой к лепехинским текстам.

Исходя из общих соображений, можно предположить, что В.М. Ундольский, всегда интересовавшийся памятниками письменности, знал о наследии Стефана Пермского и мог переписывать разные материалы из известных источников для своей коллекции. При этом, будучи грамотным человеком, который всю жизнь занимался памятниками письменности, он мог вносить коррективы в переписываемый текст и даже в каком-то смысле редактировать его.

Список источников

1. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства.... : в 4 ч. Ч. 3. СПб. : Изд. Акад. наук, 1780. 410 с.

2. *Федюнева Г.В.* Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. 2021. № 3. С. 87–104.

3. *Кузнецова З.И.* Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 213–240.

4. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М., 1952. 174 с.

5. *Кузнецова З.И.* Язык письменных коми памятников XVIII века : дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола; Тарту, 1967. 272 с.

6. *Лыткин В.И.* Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М. : Наука, 1969. С. 302–351.

7. *Лыткин В.И.* Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. С. 10–21.

8. *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. М. ; Л. : Наука, 1964. 102 с.

References

1. Lepyokhin, I.I. (1780) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii Nauk ad"yunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva...: v 4 ch.* [Daily notes of a journey of Ivan Lepyokhin, a doctor and an adjunct of the Academy of Sciences, to various provinces of the Russian state ...: in 4 parts]. Part 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

2. Fedyuneva, G.V. (2021) A *New Handwritten Dictionary* of the *Komi-Zyryan Language* in the *History* of *Komi Lexicography. Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 3. pp. 87–104. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/21/4

3. Kuznetsova, Z.I. (1958) Obzor pamyatnikov pis'mennosti XVIII v. [Overview of written monuments of the 18th century]. In: *Istoriko-filologicheskiy sbornik* [Historical and philological collection]. Vol. 4. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. pp. 213–240.

4. Lytkin, V.I. (1952) *Drevnepermskiy yazyk. Chtenie tekstov. Grammatika. Slovar'* [Ancient Permyak language. Reading texts. Grammar. Vocabulary]. Moscow: USSR AS.

5. Kuznetsova, Z.I. (1967) *Yazyk pis'mennykh komi pamyatnikov XVIII veka* [The language of written Komi monuments of the 18th century]. Philology Cand. Diss. Yoshkar-Ola, Tartu.

6. Lytkin, V.I. (1969) Komi-zyryanskiy yazyk [Komi-Zyryan language]. In: *Zakonomernosti razvitiya literaturnykh yazykov narodov SSSR v sovetskuyu epokhu. Tyurkskie, finno-ugorskie i mongol'skie yazyki* [Patterns of development of the literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era. Turkic, Finno-Ugric and Mongolian languages]. Moscow: Nauka. pp. 302–351.

7. Lytkin, V.I. (1980) Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti [Ancient monuments of Komi writing]. In: Vaneev, A.E. & Martynov, V.I. (eds) *Istoriya komi literatury* [History of Komi literature]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo. pp. 10–21.

8. Likhachev, D.S. (1964) *Tekstologiya: Na materiale russkoy literatury X–XVII vekov* [Textology: On the Material of Russian Literature of the 10th–17th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka.

***Информация об авторе*:**
Федюнева Галина Валерьяновна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (Сыктывкар, Россия). E-mail: gfedyuneva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Galina V. Fedyuneva, Dr. Sci. (Philology), chief research fellow, Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: fedyuneva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2022;
одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 10.11.2022;
approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65
Russian Journal of Lexicography. 2023, 28, pp. 44–65

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'374
doi: 10.17223/22274200/28/3

Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов

Мария Александровна Бобунова[1]

[1] *Курский государственный университет, Курск, Россия, bobunova61@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются лексикографические комплексы фольклорных текстов и их исследовательский потенциал. Описана структура лексикографических комплексов и принципы их создания. Отмечаются возможности использования разных компонентов комплекса для всестороннего изучения языка фольклора конкретного жанра и региона, а также проведения разноаспектного сопоставительного исследования для выявления жанровой и территориальной дифференциации языка фольклора. Намечаются перспективы дальнейшей работы.

Ключевые слова: язык фольклора, словарь, фольклорная лексикография, лексикографический комплекс, конкорданс

Для цитирования: Бобунова М.А. Об исследовательском потенциале лексикографических комплексов фольклорных текстов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 44–65. doi: 10.17223/22274200/28/3

© М.А. Бобунова, 2023

Original article
doi: 10.17223/22274200/28/3

On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts

Mariya A. Bobunova[1]

[1] *Kursk State University, Kursk, Russian Federation, bobunova61@mail.ru*

Abstract. The article deals with the lexicographic complexes of folklore texts and their research potential. The structure of the complexes and the principles of their creation are described. Each component of the complex is briefly characterized: folklore megatext, alphabetical frequency glossary, word list and concordance. The folklore megatext is viewed as a unified text that combines specific passportized texts related by genre and spatiotemporal characteristics. The alphabetical frequency glossary includes all megatext lexemes, arranged in alphabetical order, indicating the frequency of each word. It is created by means of a special computer program NewSlov. The word list represents language units in a descending order of frequency, and the concordance is an alphabetical list of all the words of the folklore megatext with the contexts of their usage. The basis of the first complexes was the collection *The Great Russian Folk Songs*. The choice was due to the authority of the collection, in which the texts are systematized according to the topical principle and are accompanied by the indication of the territory and the time of their recording. With the complex "Voronezh" as an example, the author shows that each component of the complex has an independent research value for studying the language of folklore of a particular genre and region. She emphasizes that the availability of different complexes created by the same research team based on the same principles allows carrying out comparative studies to identify the genre and territorial specificity of the folklore language. Certain examples demonstrate the opportunities of a comparative analysis of word lists of different folklore genres (non-ritual lyrics, epics, fairy tales), individual word-formation families (with the root *skor*- and *sovet*-) and even specific lexemes (adjective *khudoy*). The author concludes that lexicographic complexes bear high research potential. They combine focus on each linguistic phenomenon with attention to all the material and turn out to be a reliable instrument for solving urgent issues of linguistic studies of folklore related to the specifics of the language of different genres of folklore, territorial differentiation and idiolectic nature of folk song language. In addition, lexicographic complexes become a certain platform for creating dictionaries of various types, among which the already tested experimental forms stand out: contrastive dictionaries and dictionaries of a single word. The prospects for further lexicographic work are outlined. They are connected with the expansion

of the source base of complexes of folklore texts and the application of this idea in authorial lexicography.

Keywords: folklore language, dictionary, folklore lexicography, lexicographic complex, concordance

For citation: Bobunova, M.A. (2023) On the research potential of lexicographic complexes of folklore texts. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 28. pp. 44–65. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/3

В своем докладе на международном симпозиуме «Лексикография цифровой эпохи» (Томск, 2021 г.) мы говорили об идее создания лексикографических комплексов фольклорных текстов и ее реализации курскими лингвофольклористами [1]. Целью нашей статьи является выявление исследовательского потенциала данных комплексов, которые создаются с опорой на жанровую, территориальную и временную однородность фактического материала.

Базой первых комплексов стал свод «Великорусские народные песни» [2]. Наш выбор был обусловлен авторитетностью указанного собрания, в котором тексты, систематизированные по тематическому принципу (1 т. – низшие эпические песни, 2 и 3 тт. – семейные песни, 4 и 5 тт. – любовные песни, 6 т. – рекрутские, солдатские, казацкие, разбойничьи и др., 7 т. – юмористические и сатирические песни), сопровождаются указанием на территорию и время их записи. Опираясь на мнение лингвофольклористов о своеобразии языка низших эпических (= балладных), а также юмористических и сатирических песен, на первом этапе работы при составлении комплексов мы ограничились материалами пяти томов (т. 2–6).

Всего нами подготовлено одиннадцать комплексов необрядовой народной лирики, записанной в XIX в. в Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Саратовской, Самарской, Казанской, Курской, Воронежской губерниях и в Сибири.

Разрабатываемые нами комплексы имеют четыре составляющих: 1) фольклорный мегатекст; 2) алфавитно-частотный словник; 3) частотный словарь; 4) конкорданс. Кратко прокомментируем содержание каждой части.

Фольклорный мегатекст в нашем понимании – это целостный упорядоченный корпус конкретных паспортизированных текстов, связанных жанровой и пространственно-временной характеристикой. Этот мегатекст существует как в письменной, так и в электронной

форме, что позволяет использовать его для создания разных лексикографических «продуктов». Как искусственное образование фольклорный мегатекст может иметь разный объем и качественный состав, зависящий от задач исследования.

Алфавитно-частотный словник, который включает все лексемы мегатекста, расположенные в алфавитном порядке с указанием частотности каждого слова, создается с помощью специальной компьютерной программы, позволяющей исследователю сортировать материал, объединять словоформы в лексемы и при необходимости разграничивать омонимы.

Частотный словарь, создающийся на базе алфавитно-частотного словника, представляет собой перечень всех лексем в порядке убывающих частот.

Наиболее информативным для филолога компонентом комплекса является конкорданс – алфавитный список всех слов фольклорного мегатекста с приведением паспортизированных контекстов их употребления (номер тома свода и номер песни).

Первоначально мы полагали, что подготовленные комплексы станут лишь источниковой базой для последующей лексикографической работы, но, как оказалось, каждая составляющая комплекса имеет самостоятельную исследовательскую ценность для изучения языка фольклора конкретного жанра и конкретного региона. Покажем это на примере комплекса «Воронеж» [3].

Фольклорный мегатекст, включающий 80 паспортизированных текстов, позволяет читателю прежде всего познакомиться с отобранными из свода с опорой на территориальные пометы необрядовыми лирическими песнями, записанными в Воронежской губернии в XIX в. Хотя в Интернете можно найти данные тексты, мегатекст экономит время пользователя и дает возможность сразу приступить к исследовательской работе. Значимость мегатекста определяется не только возможностью знакомства с полными текстами песен, но и наличием надежной базы для любой поисковой работы.

Полный алфавитно-частотный словник, включающий знаменательные и служебные слова, состоит из 1 742 лексем. Отметим некоторые черты наших словников, учитывающих особенности фольклорного текста. В частности, самостоятельными словарными единицами считаем диминутивы (*вереюшка, досадушка, кочаночек, лошадушка, рученька, рыбушка, чарочка, шатерик, шубенка; крепенький, све-*

женький, смирненький; позднехонько, скорешенько, смелешенько), которые нередко являются территориально ограниченными или специфически фольклорными наименованиями, что подтверждают материалы диалектных словарей, например: *ветлёвенький* ‘Уменьш.-ласк. к ветлёвый’ [4. Вып. 4. С. 194]; *горушка* ‘*Фольк*. *Ласк*. Горка, горочка’ [4. Вып. 7. С. 72]; *звездушка* ‘*Фольк*. Звездочка’ [4. Вып. 11. С. 213]; *очушки* ‘*Фольк*. *Ласк*. Очи, глаза’ [4. Вып. 25. С. 75]; *соседик* ‘*Ласк*. Сосед’ [4. Вып. 40. С. 41]; *тропинушка* ‘*Фольк*. *Ласк*. Тропинка’ [4. Вып. 45. С. 131].

Хотя причастия и деепричастия мы считаем особыми формами глагола, отдельные словоформы, не имеющие в фольклорных текстах соотносительных глаголов или характеризующиеся нетипичным для литературного языка формообразованием, могут выступать в качестве самостоятельных словарных единиц, например: *накищенный* ‘Отделанный, украшенный кистями’ [4. Вып. 19. С. 320], *глядемчи, напоемши, подоемши, процежемши, сидемчи*:

Шелковые поводыки,
Золотые махорики,
Накищенная *узда...* [2. Т. 5. № 772[1]].

Аринушка коровушку доила,
Подоемши*, молочко цедила,*
Процежемши*, дружка Ваню поила,*
Напоемши*, уговаривала* [2. Т. 3. № 419].

Для разных фольклорных жанров характерно использование синкретичных конструкций разных типов (синонимические сближения, репрезентативные пары и др.), которые обладают цельностью значения и функциональной значимостью, например: *зрелый-спелый, кивать-махать, клубок-нити, пить-есть, пора-время, стеречь-беречь, тоска-горе, чай-водка*. Такие конструкции претендуют на статус самостоятельных словарных единиц.

Что за эти ***клубок-нити***
Хочет мати больно бити [2. Т. 2. № 85].

Мы сидели за убранным за столом,
Пили-ели *одно кушанье с тобой...* [2. Т. 5. № 731].

[1] Здесь и далее указывается номер песни.

На беседе сударка была,
Со мной рядом сидела,
Рядом сидела, ***чай-водку*** *пила* [2. Т. 5. № 683].

Одним из компонентов может выступать диалектное или собственно фольклорное слово, например: *гуторить* ‘Дружески беседовать, разговаривать между собой; говорить, рассказывать что-нибудь’ [4. Вып. 7. С. 250]; *гаять* ‘3. Кричать, шуметь’ [4. Вып. 6. С. 156]; *назолушка* ‘*Фольк*. Тоска, кручинушка’ [4. Вып. 19. С. 288]:

Люди бают и ***гуторят-говорят****:*
«Твоему мужу во солдатах помирать,
Твоим детям сиротами вековать!» [2. Т. 5. № 161].

Во кабак идет невежа, – свищет-пляшет,
Из кабака идет невежа, – ***шумит-гает*** [2. Т. 2. № 419].

Не пой, не пой, соловьюшко, во втором часу,
Не дай ***тоски-назолушки*** *сердцу моему!* [2. Т. 5. № 663].

Полагаем, что алфавитный словник является отправной точкой для дальнейшей исследовательской работы. Так, словник позволяет выбрать лексемы конкретной тематической группы, например: «Одежда» (*кафтан, платье, рубашечка, салопчик, шуба, юбка*), «Ткани» (*бархат, китайка, парча, плис*), «Пища» (*калач, каша, пирог, чай, щи*), «Животный мир» (*волк, горностай, заяц, конь, коровушка, лошадь*), «Растительный мир» (*дубочек, калина, капуста, куст, повилика, рожь, рябинушка, трава, яблоня*), «Свойственники» (*деверь, золовка, невестка, свекор, свекровь, тесть*). Интерес представляют характерные для воронежских песен антропонимы (*Авдотьюшка, Алеша, Аринушка, Ванька, Дуня, Матвей, Машурка, Настюшка, Никита, Феклушка*) и топонимы (*Дон, Дунай, Кострома, Москва*).

С помощью алфавитного словника исследователь может выявить слова определенной словообразовательной модели, например глаголы с префиксом *при-*, среди которых есть многоприставочные (*привезти, привязать, призадуматься, прилетать, принапудрить, пристряпать, притоптать, приуныть, приукатать, приутешить* и др.), прилагательные с префиксом *раз-/рас-* (*раздобрый, разлюбезный, размалиновый, размилый, разнесчастный, расподлый, распостылый, расприятный, распроклятый*).

Известно, что частотный словарь «в своем начале содержит те слова, которые называют главные элементы соответствующей разновидности культурно-языковой картины мира и указывают на основные тематические составляющие большинства текстов определенного жанра» [5. С. 20], поэтому такой словарь тоже является полезным источником информации. С его помощью можно выявить наиболее употребительные слова анализируемого мегатекста.

Проанализируем состав 50 самых частотных слов в воронежских песнях. Как оказалось, значительную часть данного списка составляют местоимения и служебные слова, играющие роль заполнителей и организаторов любого текста.

Первое место по употребительности занимает местоимение *я,* второе – частица *не*, третье – местоимение *ты.* Показательны высокочастотные знаменательные слова: существительные, обозначающие типичных персонажей лирической песни (*жена, друг, молодец, сударушка, девка*), животный мир (*конь*) и фольклорный локус (*сад*); цветовые и оценочные прилагательные (*милый, молодой, белый, зеленый, родной*), глаголы существования, говорения, движения, эмоционального состояния (*быть, жить, сказать, пойти, ходить, стоять, любить*). Замыкает список числительное *один.*

Помимо этого, частотный словарь позволяет определить процентное соотношение высокочастотной и низкочастотной лексики, а также говорить о месте гапаксов (слов, встретившихся в фольклорном мегатексте один раз), которые являются показателем лексического разнообразия фольклорного текста. На их долю приходится 56% всего словника. Заметим, что в группу единичных лексем часто попадают слова ограниченной сферы употребления, среди которых зафиксированы специфически воронежские, о чем свидетельствуют территориальные пометы диалектного словаря, например: *махорики* ‘Бахрома <…> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 18. С. 51], *потаючи* ‘Тайком, украдкой <…> Ворон.’ [4. Вып. 30. С. 269], *растосковать* ‘Растосковать свою жизнь между кем-л. *Фольк.* Найти успокоение, отвлечение от своих горестей, печалей, забот среди кого-л. <…> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 34. С. 269], *союдный* ‘Согласный, дружный <…> Ворон., Соболевский’ [4. Вып. 40. С. 103]:

Я ***потаючи*** *от батюшки,*
Гулять с тобой пойду [2. Т. 4. № 606].

«Не женись-ка, друг Ванюша, никогда!
Если женишься, друг, – переменишься!
***Растоскуй**-ка свою жизнь молоду, душа,*
Между девок, между баб молодых!» [2. Т. 3. № 419].

Соседики – люди злые,
*Не **союдная** семья...* [2. Т. 5. № 528].

Безусловно, филолог не может ограничиваться алфавитными и частотными списками лексем, для него важна семантика каждого слова. Установить ее помогает конкорданс, отличительной чертой которого является наличие исчерпывающего иллюстративного материала [6]. Хотя контексты в целом достаточны для реализации смысла заголовочного слова, в случае необходимости читатель, опираясь на паспортизацию, может обратиться к более широкому контексту, представленному в разделе «Фольклорный мегатекст».

Приведем фрагмент конкорданса (первые 10 слов на букву «О»). В примерах сохранена оригинальная орфография и прописная буква каждой новой стихотворной строки.

о 1. Что ты, Дуня, пригорюнилась, *О* чем, Дуня, призадумалась? <4,635>

об 4. Постучу я *об* окошко: Выйди, миленький, ко мне, Выдь, хороший, на часок, Приутешь-ка горьких слез! <4,508>; *Об* ком сокрушаюсь, – его здесь нет; <5,118>; – Живи, живи, моя сударушка, Живи, ни *об* чем не печалься! <5,555>; Щука рыба *об* лед бьется, А я, девка, слезно плачу <5,627>

обида 1. Интерес твой не фигурен, Мне *обида* дорога <4,261>

обить 1. Его девка полюбила, В Кострому город вступила, Плису, бархату купила, Короватушку *обила*, Тесовую сукрасила <4,77>

облестить 1. Один молодец девчонку *облестил*, Он с ея руки колечко получил <5,731>

обломиться 1. Коровать моя *обломилась*, – Все дружья-братья провалились, Разъелозились, расползились <3,152>

обмануть 1. *Обманул* ее обманщик молодец, Дал ей перстень, получил свое кольцо, А сам вышел на паратное крыльцо, Простудил он свое белое лицо! <5,731>

обманщик 1. Обманул ее *обманщик* молодец, Дал ей перстень, получил свое кольцо, А сам вышел на паратное крыльцо, Простудил он свое белое лицо! <5,731>

обманывать 2. Гарнитуровым платочком помахивала, Свою родную матушку *обманывала* <4,606>; – Ты не лести, подлец, словами, Не *обманывай* в глаза! <5,743>

обмочить 1. А я свою сударушку на рученьках перенес, Перенес, перенес; только, только *обмочил* <5,315>

Хотя в конкордансе не дается толкование слов, читатель, благодаря иллюстративному материалу, может самостоятельно определить или предположить значение той или иной лексемы. Приведем несколько примеров. Так, прилагательное *бравый* используется в воронежской лирике не в общеупотребительном значении ‘молодцеватый, мужественный, смелый’, а в диалектном ‘Красивый, видный’ [4. Вып. 3. С. 146]: *Уродился мальчик* ***бравый****, Он собою бел, хорош, Русы кудри завивныя, Принапудреныя* [2. Т. 4. № 77]; *Сударушка-то моя Была девка* ***бравая***; *На ней шуба новая, Опушка бобровая, Сама чернобровая* [2. Т. 4. № 694]. Диалектное значение проявляется и у существительных *погодушка* ‘Ветер’ [4. Вып. 27. С. 301]: *Подуй, подуй,* ***погодушка*** *немаленькая, Раздуй, развей мне рябинушку кудрявенькую!* [2. Т. 5. № 663]; *переговоры* ‘Обычно мн. Пересуды, сплетни; пустые разговоры, болтовня’ [4. Вып. 26. С. 67]: *Не то тошно, что бьют больно, – Тошней того* ***переговоры****,* ***Переговоры*** *девичьи* [2. Т. 2. № 539]; *козыри* ‘Нарядные, красиво отделанные (часто расписные) сани’ [4. Вып. 14. С. 76]: *Запрягу я тебе ворона коня, Ворона коня, сани* ***козыри****, узды с блестками, Хомут в золоте, шлея в серебре* [2. Т. 4. № 156].

Кроме того, с помощью конкорданса можно ответить на целый ряд вопросов. Например, что в воронежской народной лирике видится черным (8 словоупотреблений, далее – цифра). Оказывается, что чаще всего черными представляются *брови* – 3, реже – *шляпа* – 2, *ягода смородина* – 1, *гроб* – 1, *крест* – 1. Прилагательное *широкий* (9) в воронежских песнях согласуется с существительными *ворота – 2, двор – 2, улица* – 2, *дорожка* – 1, *лист* – 1, *поле* – 1, а слово *лютый* (5) используется для характеристики свойственников (*деверь* – 1*, золовка* – 1*, свекор* – 1*, свекровь* – 1) и мороза – 1.

В целом все компоненты лексикографического комплекса содержат объективную информацию, воспользоваться которой может любой пользователь. Идея создания лексикографических комплексов нам показалась перспективной. Позже были сформированы комплексы балладных и юмористических песен Курской губернии [7], курских сказок [8], онежских былин. В настоящее время база песенных и былинных текстов продолжает расширяться, а также формируется комплекс курских частушек.

Полагаем, что каждый комплекс в отдельности становится надежным источником изучения народно-песенной речи, имеющей определенные пространственно-временные и жанровые характеристики. Однако иссле-

довательская ценность комплексов этим не ограничивается. Наличие разных комплексов, созданных одним творческим коллективом с опорой на одни и те же принципы, позволяет осуществлять сопоставительные исследования для выявления жанровой и территориальной специфики языка фольклора. Сравнение может проводиться на уровне всего словника, тематических групп, словообразовательных моделей и даже отдельных лексем. Покажем это на конкретных примерах.

Так, сравнение «верхушечной» части частотных словарей лирических песен, записанных в разных регионах России, показало значительное число совпадений, что подтверждает единство жанра. В то же время сопоставление с частотным словарем песен балладного типа выявило отличия, обусловленные спецификой жанра. Об этом свидетельствуют слова, совсем отсутствующие в другом словаре или отличающиеся более высокой частотностью в низших эпических песнях, например: *сестра, брат, корабль, шатер, плакать* [7]. Значительно больше различий наблюдается при сравнении частотных словарей необрядовой лирики и эпоса. Среди высокочастотных знаменательных слов онежских былин существительные *богатырь, князь, молодец, матушка, сын, конь, поле, земля, город/град, слово, рука, голова, сила, пир* [9]. Верхние позиции частотного словаря курских сказок, записанных Ф. Белкиным в Тимском уезде Курской губернии и опубликованных в сборнике «Труды Курского губернского статистического комитета» за 1863 год, занимают существительные *Иван-царевич, брат, дядька, царь, волк, змей, отец, батюшка, дочь, конь* [8]. Как видим, по наиболее употребительным словам определенного жанра можно составить представление, о чем повествуют эти тексты.

Одну из возможностей выявления жанровой специфики языка фольклора мы видим в сопоставлении отдельных словообразовательных гнезд народно-песенных текстов. Нами был проведен сравнительный анализ словообразовательного гнезда с вершиной *скорый* на материале лексикографических комплексов онежских былин, собранных А.Ф. Гильфердингом в 1871 г., и необрядовых лирических песен, записанных в XIX в. в разных регионах России [10], который позволил выявить как общефольклорные, так и специфически жанровые черты. Представим словники лексем с корнем *скор-* в двух фольклорных жанрах (в алфавитном порядке), где жирным шрифтом выделены совпадающие лексемы (таблица).

Алфавитный список слов с корнем *скор-* в былинах и песнях

Онежские былины	Необрядовые песни
вскоре	***вскоре***
наскори/наскоро	***поскорее/поскорей***
поскорее/поскорей	***поскорешенько***
поскорешенько	***скорее/скорей***
скорее/скорей	***скоренько***
скоренько	***скорехонько***
скорехонько	*скорешенько*
скоро	***скоро***
скоровестный	*скоро-бегло*
скоро-наскоро	*скороспейка*
скорописчатый	*скороспелый*
скоропоспешный	*скороход*
скорый	***скорый***
скорым-наскоро(и)	
скорым-скоро	
ускорить	

В словниках (особенно на материале эпоса) немало областных и собственно фольклорных лексем, например: *наскори* ‘*Фольк*. Немедленно; скорее’ [4. Вып. 20. С. 165]; *скоровестный* ‘*Фольк*. Эпитет посла, гонца’ [4. Вып. 38. С. 94]; *скорописчатый* ‘*Фольк*. 1. Рукописный, непечатный; написанный скорописью’ [4. Вып. 38. С. 102]; *скоропоспешный* ‘*Фольк*. Быстрый, скорый (о гонце, посланнике и т.п.)’ [4. Вып. 38. С. 102]; *скороспейка* ‘*Фольк*. Эпитет змеи’ [4. Вып. 38. С. 103]. В былинах были зафиксированы композиты *скоро-наскоро* ‘очень быстро’ (СРНГ: 38: 92), *скорым-наскоро* ‘очень быстро’ [4. Вып. 38. С. 108], *скорым-скоро* ‘*Фольк*. Очень быстро’ [4. Вып. 38. С. 108].

Своеобразие проявляется не только в лексическом составе словников, но и в количественных данных. Исследование показало, что слова с корнем *скор-* в большей степени характерны для эпоса, где наибольшей частотностью отличается наречие *скоро.*

Мы полагаем, что поиск жанрово маркированных лексем должен сопровождаться и выявлением жанровой специфики в употреблении общефольклорных слов, что подтверждает анализ синтагматических связей прилагательного *скорый.* Проведенное исследование выявило широкую валентность данного слова в онежском эпосе, где оно используется для характеристики не только людей, но и предметов, и

абстрактных понятий (*скорые гонцы, скорый посол, скоры ноженки, скорая смерть*). Для былин характерны следующие сочетания: *скорая жизнь* ‘*Фольк*. Короткий (о жизни)’ [4. Вып. 38. С. 108], *скорая скоморошина* ‘Шустрый, бойкий, ловкий (о человеке, его руках, ногах и т.п.)’ [4. Вып. 38. С. 108], *скор на походку* ‘*Фольк*. О том, кто быстро ходит’ [4. Вып. 38. С. 108], *в скором времени* ‘*Фольк*. За короткий промежуток времени, быстро’ [4. Вып. 38. С. 108].

В необрядовой лирике, как свидетельствуют лексикографические комплексы, прилагательное *скорый* используется значительно реже и преимущественно в песнях северных губерний (Олонецкой, Архангельской и Вологодской) в сочетании с существительными *грамотка, письмецо, разлука*.

Давно доказано, что язык лирических песен территориально дифференцирован [11], что подтверждают материалы наших комплексов. Покажем это на примере словообразовательного гнезда с корнем *совет-*, которое в песенном фольклоре в целом не отличается разнообразием и совсем не представлено в лирике Саратовской, Казанской губерний и Сибири. В воронежских песнях выявлено одно существительное *совет*, в курском – два: *совет* и *советница*. В песнях северных губерний (Архангельская, Олонецкая, Вологодская) наряду с существительным *совет* встретились глаголы *советать, советовать, посоветовать*, не характерные для фольклора южных регионов. А прилагательные и предикативное наречие обладают ярко выраженной территориальной спецификой, поскольку фиксируются в пределах одной песенной традиции: *советный* и *советно* в пермских песнях, а *несоветный* в самарской лирике.

Заметим, что существительное *совет* в песенном фольклоре, особенно в песнях южных губерний, используется в значении ‘Согласие, дружба, лад’ [4. Вып. 39. С. 182] и часто встречается в составе устойчивых конструкций *жить в (во) совете* ‘Жить дружно, в согласии’ [4. Вып. 39. С. 182], *не в совете* ‘Не в ладах, не дружно’ [4. Вып. 39. С. 182], *с советом жить* ‘Жить в любви, согласии’ [4. Вып. 39. С. 183]:

А я с милым другом ***в совете жила****...* [2. Т. 2. № 589] – Курск.

Не с богатством мне ***жить****, – с человеком,*
Не с высокими хоромами, – с любовью,
Не с частыми переходами, – ***с советом****!* [2. Т. 3. № 16] – Курск.

Вы не кидайтесь на богатство,
На богатство да на высок терем:
Не с богатством мне ***жити****,*
А с человеком да ***со советом****!* [2. Т. 3. № 18] – Вятка.

Холостой Ванюша женился,
Не в любови жену ***брал****,*
Не в любови Ваня, не ***в совете****…* [2. Т. 3. № 443] – Воронеж.

В вологодской лирике данное существительное зафиксировано в конструкции *свести совет с кем.-л.* ‘Завязать дружеские отношения с кем-л.’ [4. Вып. 39. С. 182]:

С кем ***сведу совет****, –*
Ни в ком правды нет [2. Т. 6. № 577].

В архангельских и олонецких песнях лексема *совет* тоже встречается, но в составе тавтологических сочетаний *совет советовать* и *совет советать* ‘Советоваться, совещаться’ [4. Вып. 39. С. 184, 186]:

Промежу собой братаны
Совет советали*,*
Они ***совет советали*** [2. Т. 5. № 279].

Не спят, не гуляют,
Совет советают [2. Т. 5. № 22].

Что едину думу думали,
Един ***совет советовали****:*
Где бы, где бы нам девицу увидать,
Где бы, где бы нам красавицу увидать? [2. Т. 4. № 567].

Обратимся к описанию территориально маркированных слов. Так, диалектные прилагательные *советный* ‘Дружный, согласный’ [4. Вып. 39. С. 185] и *несоветный* ‘Несогласный, недружный’ [4. Вып. 21. С. 158] используются для характеристики семьи и подружек:

Две ***советныя*** *подружки*
Под окошечком сидят,
Про разлуку говорят [2. Т. 5. № 732].

Выростешь велика, отдам тебя замуж
В другую деревню, в ***несоветну*** *семью,*
Где бьются, дерутся, за волосы берутся [2. Т. 2. № 561].

Производное предикативное наречие *советно* ‘Согласно, дружно’ [4. Вып. 39. С. 185], зафиксированное в пермском фольклоре, упоминается в ряду с другим диалектным словом *забедно* ‘Завидно, досадно, обидно’ [4. Вып. 9. С. 249]:

Людям-то диво, что мило,
Людям-то ***забедно****, что* ***советно****!* [2. Т. 5. № 393].

Интерес представляет встретившееся только в курской лирике существительное *советница*, которое вместе со словами *работница, кукобница* ‘Хорошая хозяйка’ [4. Вып. 16. С. 38], *приветница* ‘Женск. к приветник’ [4. Вып. 31. С. 135] (*приветник* ‘Приветливый человек’ [4. Вып. 31. С. 135]) используется для создания положительного образа молодой жены:

Она в поле работница,
А в доме кукобница,
Гостям твоим приветница,
А тебе будет ***советница*** [2. Т. 3. № 276].

Таким образом, сопоставительный анализ словообразовательного гнезда позволяет увидеть территориальную специфику, которая проявляется прежде всего в его качественном составе.

В свое время Б.Н. Путилов писал: «Может быть, трудность региональных исследований не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков (хотя на эту сторону должно быть обращено самое пристальное внимание), а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» [12. С. 163]. Материалы конкордансов, включающих все примеры употребления каждого слова, позволяют увидеть территориальное своеобразие «обычных» лексем как на количественном, так и на качественном уровнях. Продемонстрируем данные возможности на примере прилагательного *худой.*

Это достаточно частотное (за исключением самарских песен) слово в необрядовой лирике встречается повсеместно, что подтверждают материалы лексикографических комплексов.

В современном русском языке есть два лексических омонима: *худой*[1] ‘1. Имеющий тонкое, сухощавое тело (о человеке и животном); тощий. 2. Лишенный подкожного жирового слоя (о теле или частях тела)’ и *худой*[2] ‘1. *Трад.-нар.* Плохой, дурной. 2. Дырявый, ветхий’

[13. С. 1456]. В лирических песнях слово используется с разной семантикой, правда, в значении ‘тощий’ значительно реже.

Говорил милой такия речи-словеса:
«Что ты, лапушка, ***худа*** *стала, очень бледна,*
Из ясных очей не очень стала весела? [2. Т. 4. № 462].

Как правило, в данном значении слово *худой* оказывается в одном ряду с прилагательным *бледный* ‘Не имеющий румянца (о человеке и его лице; обычно как показатель болезни или какого-л. эмоционального состояния’ [13. С. 83].

Скажи, душенька моя, Отчего ***худа, бледна****?* [2. Т. 4. № 261].

Что ты, Машенька, ты ***худа*** *стала,* ***бледна****?* [2. Т. 5. № 295].

Частое «соседство» двух эпитетов приводит к появлению композита *худой-бледный*:

– «Али ты безумная? Сестрица моя –
Белая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, ***худа*** *и* ***бледна****!» –*
– «Оттого ***худа-бледна*** *– в чужой стороне:*
На чужой сторонушке плохое житье!» [2. Т. 3. № 31].

Характерной для необрядовой лирики в целом, независимо от места записи, является атрибутивная пара *худая слава (славушка)*:

Про нас так, мил, ***худа слава*** *прошла,*
Худа славушка*, не очень хороша* [2. Т. 2. № 441] – Архангельск.

– Пройди, белокурый молодец,
Ты не делай ***худой славы*** *надо мной!* [2. Т. 3. № 269] – Олонец.

В том гуляньице веселья Ваня не нашел,
Сударушку-разлапушку до ***худой славы*** *довел* [2. Т. 6. № 243] – Самара.

А нам с тобой, братец,
Не честь, не хвала, –
Худая слава*!* [2. Т. 3. № 227] – Казань.

Худа славушка *пойдет,*
Никто замуж не возьмет [2. Т. 4. № 333] – Пермь.

В «Словаре русских народных говоров», где у слова *худой* указано 37 значений [4. Вып. 52. С. 176–204], приводятся устойчивые сочетания *худа(я) слава* и *худа(я) славушка* (‘*Фольк.*’). В составе данной конструкции прилагательное реализует значение ‘Дурной, такой, что вызывает неодобрение, заслуживает осуждения’ [4. Вып. 52. С. 184].

Такое же значение реализуется в атрибутивных сочетаниях *худой ум* (Пермь) и *худой разум* (Вятка), однако эти конструкции встречаются редко и имеют явную территориальную маркированность.

Нагляделась я на чужи ***худы умы*** [2. Т. 4. № 23].
У меня, младешеньки, ум молодой,
Разум худой [2. Т. 3. № 10].

В большинстве регионов России зафиксирована атрибутивная пара *худая жена (женушка)* ‘Недостойный, нестоящий (о человеке, людях)’ [4. Вып. 52. С. 187]:

Со своей ***худой женой*** *побраночка была* [2. Т. 3. № 501] – Вологда.

С ***худой женушкой*** *разбранка была:*
Она бранила меня и тебя! [2. Т. 3. № 497] – Вятка.

Я ***худую-то жену****, жену разнегодную, люблю по закону*
[2. Т. 6. № 389] – Саратов.

Не поглянется тебе ***худа жена****, –*
Ни продать-то ее, ни променять [2. Т. 3. № 404] – Сибирь.

Реже такой эпитет используется для характеристики мужского персонажа:

Как тебе не взгрустнется,
За ***худым мужем*** *живучи,*
На хорошаго глядючи? [2. Т. 3. № 140] – Курск.

Я пойду ли, молоденька, в саду погуляти;
В саду-саду погуляти, травы потоптати,
Поколь батюшка-сударь замуж не выдал
За такого ль за ***худаго*** *за* ***невежу****!* [2. Т. 2. № 419] – Воронеж.

Другие же атрибутивные пары с прилагательным *худой*, реализующим иные значения, используются единично и фиксируются на

определенной территории. Так, в песнях, записанных в Пермской губернии, встретилось сочетание *худая погодушка* ‘Ненастный, пасмурный, холодный (о погоде)’ [4. Вып. 52. С. 180]: *На лету у него да крылья примахалися, От* ***худой погодушки*** *да перья приломалися* [2. Т. 2. № 158]. В курских песнях – *худая рубашонка* ‘Изношенный, дырявый, рваный (об одежде, обуви и т.п.)’ [4. Вып. 52. С. 196] и *худые времена* ‘Связанный с, наполненный тяготами, трудностями, лишениями’ [4. Вып. 52. С. 183]: *Сломя голову бежала У* ***худой рубашонке****, У драной паниенке, Без причелка сороченка* [2. Т. 4. № 554]; *У нас ныне да* ***худыя времена****: Полюбила невестушка деверя* [2. Т. 2. № 641]. В олонецких песнях – *худое здоровьице* ‘Отличающийся слабостью (о здоровье)’ [4. Вып. 52. С. 197]: ***Худо*** *ж мое* ***здоровьице*** *без милаго дружка!* [2. Т. 5. № 205]. В песнях, записанных в Сибири, – *худая птичка*: ***Худая-то птичка куличонко****, И та над соколом насмеялась – Наперед-то его залетела* [2. Т. 6. № 364]. В саратовских песнях – оксюморонное сочетание *худой талан* ‘Счастливая доля, судьба; счастье’ [4. Вып. 43. С. 237]: *Ты, талан ли мой,* ***талан худой****, Ты, звезда моя злосчастная, Участонька моя горькая!* [2. Т. 6. № 468].

Исключительно в архангельских песнях встретился композит *худенький-худой* ‘Несчастный’ [4. Вып. 52. С. 146]: *А я,* ***худенька-худа****, – Вековечная твоя, Вековечная твоя Да подвенечная жена!* [2. Т. 5. № 13].

В воронежской и олонецкой лирике зафиксировано сочетание *худое житье*, которое в одном случае сопоставляется с добрым житьем (Воронеж), а в другом *худое бабье житье* противопоставляется *расхорошему* ‘очень хороший’ [4. Вып. 34. С. 303] *житью* до замужества (Олонец). Ср.:

В ***добром житье*** *лице белеется и румянеется,*
В ***худом житье*** *лице чернеется и стареется* [2. Т. 3. № 7].

Будь ты проклято, ***худое житье*** *бабье,*
Расхорошее девушкой житье*!* [2. Т. 2. № 157].

Таким образом, материалы конкордансов лирических песен, записанных в разных регионах России, свидетельствуют о единстве жанра, что подтверждают многочисленные языковые соответствия. Тем не менее проявляется и территориальное своеобразие лексики, о чем говорят характерные для той или иной губернии атрибутивные сочетания.

Привлечение же к анализу лексикографических комплексов других фольклорных жанров позволит увидеть жанровую специфику общеупотребительного слова. В частности, в онежских былинах прилагательное *худой* не является частотным и используется в большинстве случаев для характеристики людей: жены, поляницы, человека:

Все ели да пили, порасхвастались,
Но умный как хвастает отцем матерью,
А безумный-то хвастает ***худой женой*** *неудачливоёй* [14. Т. 2. № 102].

Говорил Илья да таково слово:
– Ты ***худая поляница*** *ты удалая!* [14. Т. 3. № 226].

– Поженил-то меня батюшко а неволею,
И женила меня матушка не охвотою,
Да приданого много – ***человек****-от* ***худой*** [14. Т. 2. № 127].

В былинах ни разу не встретилось характерное для лирики сочетание *худая слава*, зато выявлены специфические для эпоса конструкции: *худые товары* ‘Не удовлетворяющий каким-л. требованиям своими свойствами, качествами’ [4. Вып. 52. С. 176] и *худые мостишка* ‘Неблагоустроенный (о дорогах, мостах)’ [4. Вып. 52. С. 179]:

Он повыкупил еще товары новгородские,
Ай ***худы товары*** *все, добрые* [14. Т. 1. № 70].

А у вас во городи во Киеви,
У собора пресвятые богородицы,
Мощены мостишка все сосновые,
Худые *мостишка креневатые,*
Креневаты мостишка виловатые,
А вбиты гвоздишка деревяные [14. Т. 3. № 230].

В курских сказках, записанных Ф. Белкиным, указанное прилагательное не встретилось ни разу, а в сказках, изданных А.Н. Афанасьевым, оно низкочастотно.

Приведем пример словарной статьи конкорданса из лексикографического комплекса курских сказок [15].

Худой 3. *Худое* житье было старику со старухою! <№ 112>; Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая *худая* да бледная <№ 261>; Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, *худых* речей не слушаться <№ 265> [15. С. 361].

Как видим, прилагательное используется не только в характерных и для лирических песен сочетаниях, но и в составе не отмеченной в необрядовой лирике и эпосе атрибутивной пары *худые речи* ‘Недружелюбные, осудительные слова, речи’ [4. Вып. 52. С. 194].

Привлечение к анализу других комплексов позволяет корректировать сделанные выводы и выявляет новые факты жанровой и пространственной дифференциации языка русского фольклора. Так, в готовящемся сейчас комплексе донских песен зафиксирована конструкция *худым худой* ‘Усилительно’ [4. Вып. 52. С. 197]: *При дуване меня, молодца, задуванили: Доставалась мне шубеночка* ***худым худа****,* ***Худым худа*** *шубеночка, вся излатана* [2. Т. 6. № 433].

В исторических песнях эпитет *худой*, как и в необрядовой лирике, чаще всего используется для характеристики *славы* (*славушки*). Кроме того, есть и специфически жанровые сочетания: *худая боль, худой корабль, худая доля, худой конец, худые лесоры* и др. Все это, на наш взгляд, подтверждает справедливость сформулированных нами принципов подготовки лексикографических комплексов с учетом жанровой характеристики и пространственно-временной однородности фольклорных текстов, что позволяет создавать многослойный портрет фольклорного слова.

Таким образом, можно говорить о высоком исследовательском потенциале лексикографических комплексов, которые, сочетая внимание к каждому языковому явлению с вниманием ко всему материалу, оказываются надежной базой для решения актуальных проблем лингвофольклористики, связанных со спецификой языка разных жанров фольклора и территориальной дифференцированностью народнопесенной речи. Важной проблемой оказывается и проблема идиолектности, решению которой будут способствовать лексикографические комплексы былин разных сказителей, живущих под одним небом в одну и ту же эпоху. Это новое направление дальнейшей лексикографической работы курских лингвофольклористов. Лексикографические комплексы также становятся определенной платформой для создания словарей разных типов, среди которых выделяются уже апробированные нами экспериментальные формы: контрастивные словари, словари одного слова [16] и др. Полагаем, что материалом лексикографических комплексов может стать не только фольклорный текст. Данная идея, на наш взгляд, будет востребована и в авторской лексикографии. Конечно, в зависимости от источника описания и по-

ставленных задач возможно появление новых составляющих в структуре комплексов, в любом случае структурирование лексикографического материала оказывается весьма полезным как для исследователя, так и для любого пользователя.

В свое время О.И. Блинова писала, что изучаемое с помощью лексикографического метода явление «предстает в полном, систематизированном и укрупненном виде, что позволяет выявить такие особенности явления, которые не видны “лексикографически” невооруженным глазом» [17. С. 82]. Думается, что эта мысль верна не только по отношению к уже готовым словарям, но и к разрабатываемым нами лексикографическим комплексам, исследовательский потенциал которых еще предстоит оценить.

Список источников

1. *Бобунова М.А.* Лексикографические комплексы фольклорных текстов: идея, предварительные итоги и перспективы // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов Междунар. симп. (24–25 сентября 2021 г.). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 60–62.

2. *Великорусские* народные песни : в 7 т. / изд. проф. А.И. Соболевским. СПб. : Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6.

3. *Бобунова М.А.* Воронежские необрядовые песни: мегатекст, словник и частотный словарь // Лингвофольклористика. 2020. № 32-2. С. 9–76.

4. *Словарь* русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.

5. *Никитина С.Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) : дис. в виде научного доклада … д-ра филол. наук. М. , 1999. 54 с.

6. *Бобунова М.А.* Конкорданс XXI в.: новая старая форма // Вопросы лексикографии. 2016. № 2 (10). С. 41–54.

7. *Бобунова М.А.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Песни Курской губернии. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 286 с.

8. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. Т. I. 245 с.

9. *Бобунова М.А.* Онежские былины: Частотный словарь. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 90 с.

10. *Бобунова М.А.* Словообразовательное гнездо *скорый* в русском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 12–22. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/02_Бобунова.pdf (дата обращения: 24.06.2022).

11. *Праведников С.П.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Курск, 2011. 42 с.

12. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура; In memoriam. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.

13. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. 1536 с.

14. *Онежские* былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года : в 3 т. 2-е изд. СПб. : Тип. Имп. АН, 1894–1900. Т. 1–3.

15. *Праведников С.П.* Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Т. II. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019. 383 с.

16. *Бобунова М.А.* Печь нам мать родная: опыт конкорданса одного слова. Курск : Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. 80 с.

17. *Блинова О.И.* Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 78–82.

References

1. Bobunova, M.A. (2021) [Lexicographic complexes of folklore texts: idea, preliminary results and prospects]. *Leksikografiya tsifrovoy epokhi* [Lexicography of the digital age]. Proceedings of the International Symposium. 24–25 September 2021. Tomsk: Tomsk State University. pp. 60–62. (In Russian).

2. Sobolevskiy, A.I. (1895–1902) *Velikorusskie narodnye pesni: v 7 t.* [Great Russian folk songs: in 7 volumes]. Vols 2–6. St. Petersburg: Gos. tipografiya.

3. Bobunova, M.A. (2020) Voronezhskie neobryadovye pesni: megatekst, slovnik i chastotnyy slovar' [Voronezh Non-Ritual Songs: Megatext, Glossary and Word List]. *Lingvofol'kloristika.* 32-2. pp. 9–76.

4. Filin, F.P. (ed.) (1965–2016) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–49. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

5. Nikitina, S.E. (1999) *Kul'turno-yazykovaya kartina mira v tezaurusnom opisanii (na materiale fol'klornykh i nauchnykh tekstov)* [Cultural-linguistic picture of the world in the thesaurus description (based on folklore and scientific texts)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

6. Bobunova, M.A. (2016) Concordance of the 21st century: a new old form. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (10). pp. 41–54. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/10/3

7. Bobunova, M.A. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Pesni Kurskoy gubernii* [Lexicographic complex of folklore texts: Songs of Kursk Province]. Kursk: Kursk State University.

8. Pravednikov, S.P. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Skazki Kurskogo kraya* [Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region]. Vol. I. Kursk: Kursk State University.

9. Bobunova, M.A. (2003) *Onezhskie byliny: Chastotnyy slovar'* [Onega epics: Word List]. Kursk: Kursk State University.

10. Bobunova, M.A. (2020) Slovoobrazovatel'noe gnezdo skoryy v russkom fol'klore [Word-building family skoryy in Russian folklore]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1 (36). pp. 12–22. [Online] Avaiblable from: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/02_Bobunova.pdf (Accessed: 24.06.2022).

11. Pravednikov, S.P. (2011) *Territorial'naya differentsiatsiya yazyka russkogo fol'klora* [Territorial differentiation of the language of Russian folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kursk.

12. Putilov, B.N. (2003) *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

13. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

14. Hilferding, A.F. (1894–1900) *Onezhskie byliny, zapisannye A.F. Gil'ferdingom letom 1871 goda: v 3 t.* [Onega epics recorded by A.F. Hilferding in the summer of 1871: in 3 vols]. 2nd ed. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

15. Pravednikov, S.P. (2019) *Leksikograficheskiy kompleks fol'klornykh tekstov: Skazki Kurskogo kraya* [Lexicographic complex of folklore texts: Tales of the Kursk region]. Vol. II. Kursk: Kursk State University.

16. Bobunova, M.A. (2014) *Pech' nam mat' rodnaya: opyt konkordansa odnogo slova* [Oven is our mother dear: the experience of the concordance of one word]. Kursk: Kursk State University.

17. Blinova, O.I. (2005) Narodnaya rechevaya kul'tura skvoz' prizmu leksikograficheskogo teksta [Folk speech culture through the prism of lexicographic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*. 3 (47). pp. 78–82.

***Информация об авторе*:**
Бобунова Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (Курск, Россия). E-mail: bobunova61@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the author*:**
Mariya A. Bobunova, Dr. Sci. (Philology), professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: bobunova61@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022;
одобрена после рецензирования 07.12.2022; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 18.11.2022;
approved after reviewing 07.12.2022; accepted for publication 26.04.2023.

Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 66–82
Russian Journal of Lexicography. 2023, 28, pp. 66–82

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/22274200/28/4

Проблемы лексикографического представления вводных слов

Кузнецова Наталья Владимировна[1], Почтарёва Ольга Викторовна[2]

[1, 2] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] nvkouznets@gmail.com
[2] olga2476@mail.ru

Аннотация. Анализируются особенности лексикографического представления четырех групп слов и словосочетаний: 1) всегда вводных; 2) всегда невводных («псевдовводных»); 3) имеющих четко разграничиваемые в контексте функции; 4) «неустойчиво вводных», вводных в случае особого решения автора. Выделены способы представления этих групп слов в четырех толковых и двух специализированных словарях русского языка. Определены проблемные аспекты лексикографии вводных слов.

Ключевые слова: вводные слова, толковый словарь, союз, частица, пунктуация, модальные слова, связующие единицы

Для цитирования: Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Проблемы лексикографического представления вводных слов // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 66–82. doi: 10.17223/22274200/28/4

Original article
doi: 10.17223/22274200/28/4

Problems of lexicographic representation of parenthetical words

Natalya V. Kuznetsova[1], Olga V. Pochtareva[2]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] nvkouznets@gmail.com
[2] olga2476@mail.ru

Abstract. The article analyzes the features of the lexicographic representation of words and phrases that are traditionally classified as parenthetical. The appeal to this topic is due to the fact that it is often dictionaries that are the

© Н.В. Кузнецова, О.В. Почтарёва, 2023

sources on which the writer relies when deciding whether to separate this or that word or combination with commas. Based on a continuous analysis of specialized dictionaries on the difficulties of Russian punctuation, four groups of units were distinguished in relation to the property of parentheticalness: (1) always parenthetical (616 units); (2) always non-parenthetical, "pseudo-parenthetical" (162 units); (3) words whose functions are clearly distinguished in the context (103 units); (4) "unstable parenthetical", parenthetical in case of a special decision of the author (228 units). The material of the study was a corpus of dictionary entries that describe or mention these units. We were interested in how the meaning of this or that unit is formulated, what grammatical marks it is accompanied by, and what examples are given as an illustration of its use. Two specialized punctuation dictionaries, two academic and two one-volume explanatory dictionaries of the Russian language were taken for analysis. Assuming that discrepancies in the characteristics of individual units are inevitable in dictionaries, we proceeded from the hypothesis that these discrepancies would concern only "unstable parenthetical" units. However, a continuous analysis of dictionary entries showed that the "lexicographic portrayal" of units of all other groups also differs from dictionary to dictionary. In addition, in some cases the representation of a word in dictionaries differs from its representation in reference books on Russian punctuation. We have identified the following ways of dictionary representation of the above groups of words: (1) marks that unambiguously indicate the grammatical status of the unit ("parenthetical word", "particle", "adverb", "conjunction"); (2) marks "in the meaning of a parenthetical unit", "in the meaning of the conjunction", etc.; (3) examples from literary texts illustrating the functioning of these units; (4) expressions like: "used for …", "used in the function of …"; (5) selection of synonyms. The grammatical characteristics of words expressing the subjective attitude of the speaker or shaping his thoughts are not uniform. In academic explanatory and specialized dictionaries, a word, as a rule, receives the grammatical status of a particle/adverb/conjunction and is considered in a special parenthetical function. In one-volume explanatory dictionaries, the "parenthetical word" is already more of a part-of-speech characteristic. With regard to many words, the dynamics of "parenthetical – non-parenthetical", "non-parenthetical – parenthetical" can be traced very clearly when analyzing explanatory dictionaries of different years. At the end of the article, some of our thoughts are given on how parenthetical, unstable parenthetical and "pseudo-parenthetical" words should be presented in dictionaries.

Keywords: parenthetical words, explanatory dictionary, union, particle, punctuation, modal words, linking words

For citation: Kuznetsova, N.V. & Pochtareva, O.V. (2023) Problems of lexicographic representation of parenthetical words. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 66–82. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/4

Введение

В русском языке выделяется группа слов и словосочетаний, которые во многих источниках характеризуются как вводные. Они представляют собой лексикографическую проблему в двух аспектах: 1) носители языка обращаются к словарям как к авторитетному источнику языковой нормы при необходимости разрешения трудной пунктуационной ситуации; 2) перед лексикографом возникает вопрос не только о том, как сформулировать значение вводного слова, но и о том, какими грамматическими пометами его сопроводить.

Проблема «опознания» вводности/невводности не только теоретическая, но и практическая. Понятие «вводное слово» включено в школьный курс русского языка – именно в школе пишущие получают представление о том, что вводные слова всегда выделяются запятыми, однако идентифицировать вводные слова в общей массе лексических единиц не так просто. Отчасти проблема решается благодаря спискам вводных и «псевдовводных» слов, публикуемых в справочниках. В наиболее авторитетных справочниках вводные слова подразделяются на девять групп по значению; невводные единицы, которых приводится гораздо меньше, даются сплошным списком [1. С. 263; 2. С. 122].

Наиболее полно лексическая система русского языка представлена, как известно, в толковых словарях. Чтобы выявить способы представления в этих источниках единиц, называемых в русской грамматической традиции вводными или «претендующих» на эту роль, рассмотрим словарные статьи в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (далее – БАС), в 4-томном «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (далее – МАС), в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – ОиШ) и в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (далее – БТС). К анализу привлечем также данные специализированных словарей, всецело посвященных проблемам отграничения вводных слов и сочетаний от других единиц: 1) «Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник» 2012 г. В.В. Свинцова, В.М. Пахомова, И. В. Филатовой (далее – ТСП); 2) «Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений» 2009 г. О.А. Остроумовой, О.Д. Фрамполь (далее – СВС). Проведя сплошной анализ текстов второго из словарей, мы выделили четыре группы словарных единиц: 1) всегда вводные (616 единиц, среди ко-

торых *вероятно*, *итак*, *мол*, *напротив, судя по всему, страшно сказать, я бы сказал*) – к ним мы применяем также термин «собственно вводные слова»; 2) всегда невводные (162 единицы, среди которых *буквально*, *ведь*, *в какой-то мере*, *якобы, аналогично, как максимум, плюс ко всему, тем самым*); 3) вводные и невводные в определенных, четко разграничиваемых типах контекстов (103 единицы, среди которых *безусловно*, *бесспорно*, *впрочем*, *однако*, *поистине*, *соответственно*); 4) «неустойчиво вводные», «как правило вводные», «вводные в случае особого решения автора» и т.д. (228 единиц, среди которых *авось*, *в большинстве своем*, *в принципе*, *всё же*, *всё-таки*, *действительно*, *как минимум*, *к тому же*, *наконец*, *небось*, *тем более*). Составление такого реестра позволило определиться с материалом исследования.

Изначально мы полагали, что различия в грамматической характеристике и в способах представления слов и словосочетаний возникнут только применительно к четвертой группе, однако для объективности и полноты исследования мы проанализировали словарные статьи, посвященные единицам всех выделенных групп. Обратимся к наиболее показательным, на наш взгляд, примерам, позволяющим представить масштаб лексикографических проблем, касающихся вводных слов.

Неустойчиво вводные слова[1]

Термин «неустойчиво вводные» свидетельствует о том, что разграничить случаи вводности/невводности этих единиц затруднительно. Ср.: «В ПРИНЦИПЕ, наречие. 1. Редко употребляется в функции вводного для выражения субъективного отношения к какому-либо факту, интонационно выделяется (разг.) <...> 2. Невводное, употребляется в функции обстоятельства образа действия в значении “в основном, в общем, вообще, совсем”, не обособляется» [3. С. 76]. Примечательно, что синонимический ряд, с помощью которого представлено значение этого сочетания в невводном употреблении, также состоит из единиц, выражающих субъективное отношение говорящего, т.е. модусное значение. На субъективность указывает и невозможность задать вопрос к этому «обстоятельству» или отнести его к какой-либо из традиционно выделяемых групп обстоятельств. В подтексте статьи, посвященной этой единице, прочитывается, что решение в

[1] Здесь мы используем термин, предложенный в СВС [3. С. 12].

итоге остается за автором: если он хочет подчеркнуть субъективное отношение к какому-то факту, он волен выделять это сочетание запятыми, руководствуясь лишь собственным желанием. В ТСП эта свобода читается уже не в подтексте, а в примечании: «Иногда разграничить вводное слово и обстоятельство “в принципе” затруднительно. В спорных случаях решение о постановке знаков препинания принимает автор текста» [4. С. 90].

Можно было бы подумать, что с сочетанием *в принципе* всё так непросто потому, что оно не приведено в справочниках по правописанию в качестве примера вводного или «псевдовводного» слова. Однако со словами, помещёнными в эти справочники, наблюдается еще больший разнобой. Например, в «Полном академическом справочнике» В.В. Лопатина (далее – ПАС) и в «Справочнике…» Д.Э. Розенталя утверждается, что слово *небось* входит в группу не являющихся вводными и потому не выделяющихся запятыми слов и сочетаний [1. С. 263; 2. С 122]. Однако в СВС отмечено: «НЕБОСЬ, частица; прост. 1. Употребляется в функции вводного в модальном значении “неуверенность, предположение” <...> 2. Невводное, употребляется в функции модальной частицы со значением «утверждение, уверенность» <...> **Различить данные случаи зачастую представляется затруднительным. Решение об обособлении принимает автор текста** (выделено нами. – *Н.К., О.П.*)» [3. С. 227]. В ТСП также читаем: Зачастую трудно определить, является ли слово “небось” вводным. В спорных случаях решение о постановке знаков препинания принимает автор текста» [4. С. 288–289]. Здесь явное противоречие: в справочниках слово *небось* приводится среди невводных, а специализированные словари советуют автору прислушаться к себе и предоставляют полную свободу в выборе варианта пунктуационного оформления этой единицы[1]. Толковые словари также не вносят ясности. Например, в БТС *небось* охарактеризовано и как частица, и как вводное слово, однако сфера употребления его как вводного слова ограничена вопросительными предложениями [5. С. 613]. Подобная картина наблюдается в словаре ОиШ: здесь приводится два значения *небось*, соотнесенных с его функциями частицы и

[1] Подобные формулировки предъявляют к пишущему высокие требования в плане развитости у него языкового чутья: нужно вникать в те смыслы, которые он хочет выразить, соотносить их с глубокими познаниями о грамматической системе русского языка и не бояться того, что информация в справочниках может расходиться с тем, что человек узнал в школе о русском языке.

вводного слова; в качестве примера вводного слова дано лишь одно вопросительное предложение [6. С. 401]. В МАС обе функции *небось* приводятся в рамках одного и того же значения. Ср.: «2. Употребляется в качестве усилительной частицы для усиления основного содержания высказывания <…> или в качестве вводного слова в значении “ведь, наверное, очевидно, уж конечно”» [7. Т. 2. С. 423]. Обратим внимание, что эти слова, приведенные в словаре в одном ряду, сами по себе выражают разные субъективно-модальные значения. В БАС, вышедшем ранее, *небось* представлено как «частица в зн. вводного слова», причем в качестве примеров даны предложения – и повествовательные, и вопросительные – из литературы XIX в., в которых это слово выделено запятыми [8. Т. 7. С. 715].

Не меньшую сложность представляет сочетание *как минимум*. В СВС: «1. Редко вводное, выражает субъективную оценку меры сообщаемого <...> 2. Обычно невводное, употребляется в функции обстоятельства меры и степени, выражает объективную оценку меры сообщаемого, не обособляется» [3. С. 155]. И далее: «Есть тенденция обособлять это выражение при инверсии (как присоединительную конструкцию)» [3. С. 156]. В словаре ТСП это сочетание рассматривается как не требующее постановки знаков препинания, однако отдельно отмечается, что «допускается пунктуационное выделение слова “как минимум” (как содержащих уточнение), если в устной речи они сопровождаются **интонационной паузой** (выделено нами. – *Н.К., О.П.*)» [4. С. 196]. В толковых словарях сочетание не представлено. Однако, как показывают наблюдения, носители языка нередко затрудняются с постановкой знаков препинания именно при *как минимум*. Более того, суждения лингвистов на эту тему противоречивы, о чем свидетельствуют материалы «Справочного бюро» на портале «Грамота.ру». Ср. в вопросе 236066: «Слова *как минимум* не являются вводными и обычно не требуют выделения знаками препинания»; в вопросе 239251: «Слова *как минимум* обычно обособляются как вводные, если стоят в конце предложения: *Соискатель должен знать три языка, как минимум.* Если слова *как минимум* стоят в середине предложения, то они не выделяются знаками препинания: *Соискатель должен знать как минимум три языка»*[1]. Получается, чтобы опреде-

[1] http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=как%20минимум&start=30#:~:text=Ответ%20справочной%20службы%20русского%20языка.,не%20требуют%20выделения%20знаками%20препинания

лить, обособлять ли сочетание *как минимум*, пишущий должен провести целое «расследование», обратившись не только к специализированным и толковым словарям, но и проследив динамику в ответах экспертов портала «Грамота.ру» на вопросы пользователей.

Особо следует сказать о словах и сочетаниях слов, которые в современном русском языке в основном выступают как конкретизаторы союзов, однако при этом и сами по себе могут выполнять союзную функцию. Многие из них также относятся к «неустойчиво вводным». Так, в СВС представлено два омонимичных *тем не менее*: с пометой «частица» и с пометой «союз». Если во втором случае оно характеризуется как невводное, то в первом картина сложнее: описание делится на две части – как выясняется из текста, в соответствии с интонационным принципом: «1. Редко употребляется в функции вводного для выражения субъективного отношения к какому-либо факту, только при интонационном подчеркивании (...) 2. Обычно невводное, употребляется в функции частицы (читать без интонационного выделения), не обособляется» [3. С. 378–379]. Словарь ТСП представляет единицу *тем не менее* несколько иным образом: и частица, и союз даны в одной словарной статье, обособление не допускается ни в каком случае [4. С. 495–496]. В академических толковых словарях сочетание *тем не менее* содержится в словарной статье слова *менее*, и способы описания в этих двух источниках схожи между собой: оно толкуется через синонимы (в БАС – ‘несмотря на то, однако, всё же’, в МАС – ‘однако, все же, несмотря на это’); его грамматическая характеристика не приводится; в словарных статьях содержатся примеры, ни в одном из которых оно не обособлено [7. Т. 2. С. 151; 8. Т. 6. С. 833]. В словаре ОиШ указана грамматическая характеристика *тем не менее*: «в знач. вводн. словосоч.»; значение толкуется также через синонимы – те же самые, что и в академических словарях [6. С. 533]. В БТС сочетание *тем не менее* названо союзом со значением ‘однако, несмотря на то’ [5. С. 350].

Подобного рода противительное значение имеет сочетание *между тем*, представленное в словарях иными способами. В СВС оно помечено как наречное выражение: «Неустойчиво вводное, решение об обособлении принимает автор: *между тем* обособляется в функции вводного для выделения какого-либо факта, при желании придать ему оттенок попутного замечания (= к слову сказать), интонационно выделяется; не обособляется в функции обстоятельства времени (= тем

временем, в то же время), интонационно не выделяется. Ср.: «В комнате, между тем, (= к слову сказать) потемнело» (В. Набоков). – В комнате между тем (= тем временем) потемнело» [3. С. 203]. В ТСП это сочетание характеризуется как наречие и союз; наречие толкуется как ‘в то же время, тем временем’, значение союза не приводится; вводная функция сочетания не упомянута [4. С. 247–248]. В БАС оно толкуется через синонимы ‘в то время, тем временем’ (в иллюстративных примерах не обособлено), далее приводится сочетание *а между тем*, сопровождающееся пометой «в знач. союза» и толкуемое синонимом ‘а на самом деле’ [8. Т. 6. С. 783]. Похожим образом оно представлено в МАС [7. Т. 2. С. 245]; в словаре ОиШ сочетания *между тем* и *а между тем* представлены как варианты одного и того же союза со значением ‘тем временем, в то же время’ [6. С. 348]. Только в БТС при этом сочетании есть помета «в зн. нареч.», хотя значение здесь определяется через те же самые синонимы: ‘в то время, тем временем’ [5. С. 529].

Как мы попытались показать, для лексикографов слова и сочетания, которые считаются вводными или невводными в зависимости от интонации, от решения автора и т.д., представляют собой проблему. Это выясняется и когда мы прослеживаем, каким образом представлено в разных словарях одно и то же слово, и когда мы сравниваем способы словарного представления сходных по значению и функции единиц.

Собственно вводные слова

Казалось бы, при описании слов, характеризуемых как всегда вводные, не должно быть разночтений, так как свойство вводности прочно закреплено за ними. Так, при описании лексем *конечно* и *например* словари единодушны. Однако не все слова и сочетания этой группы такие «бесконфликтные». Слово *наоборот* в БАС, МАС и БТС характеризуется как наречие, частица и единица, употребляющаяся в значении вводного слова [5. С. 590; 7. Т. 2. С. 376; 8. Т. 7. С. 354–355], тогда как в ОиШ и в специализированных словарях оно уже имеет морфологическую помету «вводное слово» [3. С. 215; 4. С. 267–268; 6. С. 590].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем со словом *напротив*[1], через которое часто толкуется *наоборот*. *Напротив* – это 1) наречие,

[1] Это слово может быть и предлогом, но в нашей работе это значение не рассматривается, так как оно нерелевантно для данного исследования.

частица, союз или слово в функции вводного [7. Т. 2. С. 384; 8. Т. 7. С. 413–414]; 2) в одном из значений вводное слово и частица [6. С. 390]; 3) в одном из значений вводное слово [5. С. 594]; 4) всегда вводное наречие, указывающее на порядок мыслей [3. С. 220]. В словаре ТСП указывается, что *напротив* может быть вводным словом и частицей, причем в функции частицы оно тоже всегда обособляется [4. С. 275]. Нельзя не вспомнить в связи с этим замечание в «Справочнике…» Д.Э. Розенталя о том, что одной из причин «пунктуационного разнобоя» в оформлении некоторых слов является то обстоятельство, что некоторые из них «относятся к так называемым модальным частицам, которые могут употребляться и как частицы и как вводные слова» [2. С. 122]. Указанные функции связаны, по этой логике, с пунктуацией: вводные слова выделяются запятыми, частицы – не выделяются.

Однако в словарях мы видим другую картину: в них нередко описываются слова с модальным значением, характеризуемые как частицы и при этом всегда выделяемые запятыми. В частности, к ним относится слово *мол*, определяемое в академических словарях [7. Т. 2. С. 289; 8. Т. 6. С. 1164], а также в специальных работах [9] исключительно как всегда обособляемая частица. В словаре ОиШ оно характеризуется уже как вводное слово и частица [6. С. 362], а в БТС и в СВС *мол* имеет только одну помету – вводное слово [3. С. 207; 5. С. 551]. ТСП характеризует *мол* как всегда выделяемую запятыми частицу, которая сближается «по значению с вводными словами, указывающими на источник сообщения» [4. С. 255].

В лексикографической практике понятие вводного слова может пересекаться и с понятием «союз». Обратимся к словарным дефинициям слова *итак*. В БАС грамматическая природа этой единицы не указана: «Итак. **В знач.** вводного слова (выделено нами. – *Н.К., О.П.*)» [8. Т. 5. С. 590]. В других толковых словарях *итак* не соотносится с понятием вводности, имея грамматическую помету «союз» [5. С. 406; 7. Т. 1. С. 695]. В словаре ОиШ более осторожная характеристика: «в значении союза» [6. С. 256]. Специализированные словари также не сходятся во мнениях. СВС: «ИТАК, вводн. Употребляется только в функции вводного…» [3. С. 143], а словарь ТСП настаивает на том, что *итак* – это союз, правда, всегда отделяющийся от основного предложения каким-либо знаком [4. С. 176]. Такое совмещение характеристик противоречит школьной практике, в ходе которой последовательно разграничиваются функции союза и вводного слова.

Слова, функции которых четко разграничиваются

По утверждению авторов словарей и справочников, у некоторых слов четко разграничиваются функции вводного слова и наречия, вводного слова и частицы и т.д., что напрямую связано с пунктуацией. Классическим примером можно считать слово *однако*, функции и пунктуационное оформление которого связаны с его позицией: «Слово *однако* является вводным, если стоит внутри или в конце предложения <…> В значении противительного союза *однако* может соединять однородные члены предложения или части сложного предложения» [1. С. 266–267]. В СВС *однако* – это противительный союз, который может употребляться в функции вводного слова [3. С. 241]. В ТСП четко разграничиваются функции *однако*, которое может быть вводным словом, союзом и междометием в зависимости от местоположения в предложении и от значения [4. С. 321]. В толковых словарях описание слова *однако* состоит из трех частей в соответствии с функциями: союз; вводное слово, междометие [5. С. 701; 6. С. 346; 7. Т. 2. С. 593; 8. Т. 8, С. 684].

Другие слова, способные выполнять функции как союза, так и вводного слова, представлены в словарях не столь единообразно. Яркий пример – слово *впрочем*. В ПАС и в «Справочнике» Д.Э. Розенталя это слово приведено в ряду вводных – соответственно, указывающих «на отношения между частями высказывания» [1. С. 262] и «на связь мыслей, последовательность изложения» [2. С. 117]. В СВС слово помечено как союз, употребляющийся, во-первых, в функции вводного для выражения субъективного отношения к какому-либо факту, с оттенком значения ‘нерешительность, колебание, сомнение’, во вторых – «в функции противительного союза <…> на стыке частей сложного предложения или между однородными членами предложения» [3. С. 78]. Употребляясь как противительный союз, *впрочем* обособляться не должно. В словаре ТСП у *впрочем* две грамматические пометы: «вводное слово» и «союз». В первом случае оно «указывает на то, что автор переходит к другой мысли или, высказывая свою мысль, испытывает нерешительность, сомнение», во втором – «соединяет предложения или части сложного предложения» [4. С. 92]. Примечательно, что в этом случае, «сближаясь по значению с вводным словом, союз “впрочем” отделяется запятой (реже тире) от последующей части предложения» [4. С. 92]. Таким образом, слову

впрочем, в отличие от *однако*, «разрешается» одновременно быть союзом и выделяться запятыми.

В БАС слово *впрочем* характеризуется как противительный союз со значением ‘однако, все-таки, тем не менее’; в словарной статье после специального знака следует добавление: «с оттенком нерешительности, колебания, в значении: но лучше, а все-таки» [8. Т. 2. С. 779]. В МАС разграничиваются два типа употребления *впрочем*: «противительный союз» и «в знач. вводн. слова». В однотомных словарях слово *впрочем* получает характеристику 1) союз; 2) вводное слово, выражающее нерешительность, колебание, сомнение [5. С. 156; 6. С. 102]. Как видим, в словарях по-разному представлено соотношение связующей функции и модусного смысла этого слова.

Подобные разночтения наблюдаются не только в случае «союз vs вводное слово», но и при описании единиц, сопровождающихся пометами «вводное слово» и «наречие». Например, *безусловно* в БАС определяется как наречие и толкуется через синонимы ‘несомненно, вполне, совершенно’; здесь же сказано, что оно «может употребляться в значении вводного слова» [8. Т. 1. С. 366]. Как видим, вводное слово не противопоставляется наречию; у него выделяется особая вводная функция. Несколько дальше идет МАС: при описании слова *безусловно* понятия «наречие» и «вводное слово» разграничиваются, однако во втором случае слово не аттестуется напрямую как вводное, а дается указание: «в знач. вв. слова “несомненно, разумеется”» [7. Т. 1. С. 76]. При этом и наречие, и вводное слово имеют абсолютно одинаковые значения в обоих академических словарях. Однотомные словари также разграничивают понятия «наречие» и «вводное слово», причем второе подано как морфологическая характеристика [5. С. 68; 6. С. 42]. Специализированные словари представляют слово более последовательно. В СВС оно имеет грамматическую помету «наречие», а далее выделяются две его функции – вводного и невводного слова в зависимости от значения. В модальном значении ‘уверенность’, оно вводное; в функции обстоятельства образа действия оно не обособляется [3. С. 25]. В словаре ТСП *безусловно* представлено как вводное слово, которое не следует «смешивать с употреблением в роли члена предложения в знач. “безоговорочно, полностью”» [4. С. 27].

Таким образом, данные словарей показывают, что даже в тех случаях, когда у слова четко разграничиваются разные употребления, непосредственно связанные с пунктуационным оформлением, пишу-

щему во многих случаях все равно приходится полагаться на своё восприятие текста. Самым непротиворечивым и «прозрачным» оказывается употребление слова *однако* – позиционный критерий выходит на первый план. Гораздо сложнее разобраться с вводностью/невводностью слов, выделение знаками которых связано с их значением, прагматикой, синтаксическими связями.

Невводные («лжевводные»/«псевдовводные») слова

У части слов специализированные словари не допускают вводного употребления. Некоторые из этих единиц приведены в списках «псевдовводных» слов в справочниках по пунктуации. Как кажется, пунктуационное оформление таких слов и сочетаний не должно вызывать вопросов, но довольно часто в практике письма встречается обособление этих единиц, о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Вероятно, это связано с их семантикой, которая оказывается идентичной семантике некоторых групп вводных слов.

Примечательно представление слова *ведь* в БАС, где оно определяется как союз, который в разговорной речи может употребляться как вводное слово или как наречие. Практически во всех иллюстративных примерах с этим словом мы видим обособление, ср.: «Я, ведь, тебя [Татьяну Ильиничну] знаю: ты, ведь, сердобольная такая...» [8. Т. 2. С. 116–118]. В других словарях *ведь* описывается только как частица или союз и не нуждается в обособлении. Данные НКРЯ (197 примеров, в которых *ведь* выделено запятыми и при этом не соседствует с обращением, деепричастным оборотом и т.п.) соответствуют словарным характеристикам: большинство случаев выделения слова *ведь* запятыми относится к первой половине XX в., ср.: *Говорит, что я легкий стал, одни кости. Да, ведь, и кости весят что-нибудь…* (З.Н. Гиппиус. 1923). Однако есть и более свежие примеры: *Не выделить деталь размытием фона – но, ведь, можно передать объем цветами...* (Бизнес-журнал. 2004). Тот факт, что слово квалифицируется в словаре как союз или частица, не мешает ему быть одновременно с этим и вводным (ср.: союз *итак*, частица *мол* и под.). Кроме того, само значение слова *ведь*, указанное в БАС, определяется через синонимы *впрочем* и *однако*, которые могут играть роль вводных.

Связующую функцию выполняет и сочетание *плюс ко всему*; в СВС оно характеризуется как наречное выражение, которое «упо-

требляется в функции присоединительного союза» [3. С. 250] и не требует обособления. В словаре ТСП и в академических толковых словарях это сочетание не рассматривается. В словаре ОиШ его значение сформулировано как ‘мало того, помимо всего прочего’ [6. С. 252], а в БТС – ‘помимо уже сказанного, известного’ [5. С. 846]. Мы видим, что сочетание *плюс ко всему* формирует в тексте присоединительные отношения – так же как используемые для его толкования вводные сочетания *мало того*, *помимо уже сказанного*; в этот ряд мы можем поставить и *кроме того*. Очевидно, аналогию с подобными вводными единицами проводят пишущие, обособляя *плюс ко всему*. В НКРЯ найдено 34 примера обособления, в частности: *Тут и одичавшие собаки, и люди, которым больше некуда идти, и, плюс ко всему, солдаты с оружием в руках* (Знание – сила. 2005); *Плюс ко всему, служба в заполярном театре давала право на северную надбавку к зарплате* (Г. Жженов. 2002).

Среди слов, которым «отказано» в статусе вводных, есть и единицы с другой функцией, в частности сочетания *в какой-то мере* и *своего рода*, выражающие модусное значение неуверенности автора в сообщаемом факте или оценке. Любопытно, что их «лексикографические пути» оказались разными: *в какой-то мере* не зафиксировано ни в академических, ни в однотомных толковых словарях, ни в словаре ТСП. Оно есть только в СВС, где указано, что это наречное выражение всегда невводное, «употребляется в функции обстоятельства меры и степени, не обособляется» [3. С. 49]. Пишущие иногда (в НКРЯ нашлось 50 релевантных примеров) воспринимают это сочетание как вводное, ср.: *Может быть, и они, в какой-то мере, помогут колхозникам обдумать получше свою жизнь* (Наш современник. 2004). Здесь *в какой-то мере* не просто является обстоятельством меры и степени, но и выражает модальное значение – отношение говорящего к сообщаемому; он как будто «оговаривает границы меры», будучи не очень уверенным в этом.

Сочетание *своего рода* имеет словарную фиксацию: БАС – «с известной точки зрения, в том или ином отношении» [8. Т. 12. С. 1370–1374], МАС – «в известной степени, с какой-то точки зрения» [7. Т. 12. С. 1370–1374], ОиШ – «своеобразный, как бы» [6. С. 681], БТС – «в зн. нареч. В известной степени, с какой-л. точки зрения» [5. С. 1125]. Специализированные словари расходятся в грамматических характеристиках: в СВС *своего рода* имеет помету «местоимение;

книжн.» [3. С. 339], в словаре ТСП – «наречное выражение» [4. С. 452]. Впрочем, оба источника согласны в том, что единица не требует постановки знаков препинания. С точки зрения практики письма утверждение выглядит слишком категоричным, в чем нас убеждают примеры обособления этого сочетания (в НКРЯ их 28), ср.: *Одновременно эти же горы задерживают на побережье тепло и влагу, создавая, своего рода, парниковый эффект* (Ю.Н. Карпун. 1997); *Чем абсурдней пиршество, тем вероятность появления таких личностей, разумеется, выше. Это, своего рода, индикаторы ситуации* (М. Палей. 1998–1999). Здесь *своего рода* выражает некоторую неуверенность пишущего в выборе точной номинации и по значению примыкает к показателям достоверности.

К словам, прочно закрепившимся в списках «псевдовводных», относится и *якобы*. Все словари едины в том, что слово выполняет две функции – союза и частицы, и «указывает на предположительность высказывания, на сомнение в его достоверности» [3. С. 408; 4. С. 523; 5. С. 1532; 6. С. 918; 7. Т. 4. С. 282; 8. Т. 17. С. 2072]. Слово *якобы* наряду с *мол*, *де*, *дескать*, *как бы* относится к «лексическим маркерам эвиденциальности» в русском языке [9. С. 49]. Почему одни из таких маркеров рекомендуется выделять запятыми (частицы *мол* и *дескать*), а другие (*якобы* и *как бы*) категорически запрещается обособлять – остается неясным. В НКРЯ случаев обособления слова *якобы* 667, ср.: *...Вы обусловили это заявление тем, что вокруг имени моего,* ***якобы****, объединяются все те, кто недоволен Вами* (П.Н. Врангель. 1920); *Незадолго до смерти императору нашептали и даже показали какие-то бумаги, что Екатерина,* ***якобы****, предполагая передать престол напрямую Александру, посвятила в эти планы и Марию Федоровну* (Знание-сила. 2013).

Проанализировав словарное представление слов и сочетаний, относимых к «псевдовводным», мы пришли к выводу, что они легко встраиваются в один ряд с теми единицами, которые в словарях и справочниках называются вводными. Обособление «признанно-невводных» слов говорит о том, что пишущие чувствуют их модусный характер. Можно утверждать, что разделение слов с модусной семантикой на вводные и «псевдовводные» весьма условно.

Итоги и выводы

Лексикографическое портретирование вводных, «псевдовводных», неустойчиво вводных слов в академических и однотомных толковых

словарях русского языка, а также в специализированных словарях и справочниках может быть представлено следующими способами: 1) пометы, однозначно указывающие на грамматический статус единицы («вводное слово», «частица», «наречие», «союз»); 2) пометы «в значении вводного», «в значении союза» и т.п.; 3) примеры из художественных текстов, иллюстрирующие функционирование указанных единиц; 4) выражения типа «употребляется для…», «употребляется в функции…»; 5) подбор синонимов.

Наблюдения над практикой представления вводных слов в словарях привели нас к мысли, что крайне желательно устранить искусственное разделение всех модальных слов на модальные частицы, которые нельзя выделять запятыми, и вводные слова, которые требуют такого выделения. Одним из вариантов решения обозначенной проблемы может быть допущение вводности любых слов и сочетаний, выражающих модусные смыслы. Так как «ключевой фигурой в характеристике вводного слова в славистике является фигура говорящего» [10. С. 80], вводность должна исходить от автора при необходимости выразить свое субъективное отношение к чему-либо. Разделение слов и сочетаний на вводные и невводные должно проходить не по границе модальные частицы – вводные слова (также выражающие модальное значение), а по границе модальные (они же вводные) слова – обстоятельства. В таком случае не нужно заучивать списки вводных и «псевдовводных» слов: вводность как пунктуационное явление будет полностью соотнесена с вводностью как явлением семантико-синтаксическим. Это позволит обосновать пунктуационное обособление слов, которые в перспективе могут начать выражать субъективное отношение говорящего.

Таким образом, словарь – и толковый, и специализированный – должен фиксировать, в первую очередь, способность/неспособность слова выражать модусные смыслы, а в справочниках необходимо указание на то, что наличие у слова или сочетания субъективной модальности может приводить к его обособлению. Именно такое представление категории вводности, по нашему мнению, позволит более последовательно разграничивать вводные и невводные единицы, что, несомненно, облегчит пишущим задачу пунктуационного оформления текста.

Список источников

1. *Правила* русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. М. : Эксмо, 2007. 480 с.

2. *Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. 2-е изд., испр. М. : ЧеРо, 1998. 400с.

3. *Остроумова О.А., Фрамполь О.Д.* Трудности русской пунктуации. Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М. : Изд-во СГУ, 2009. 501 с.

4. *Пахомов В.М., Свинцов В.В., Филатова И.В.* Трудные случаи русской пунктуации. Словарь-справочник. М. : Эксмо, 2012. 576 с.

5. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

6. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.

7. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

8. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

9. *Белова В.М.* Частица «Мол» как дискурсивное слово (на материале мемуаров монтажного типа) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 2, № 2 (30). С. 49–52.

10. *Маркасова Е.В.* «Я не употребляю древние вводные слова...» (о судьбе вводных конструкций в русском языке последнего десятилетия) // Slavica Bergensia. From Poets to Padonki: Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture. 2009. Т. 9. С. 80–96.

References

1. Lopatin, V.V. (ed.) (2007) *Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskiy spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic reference book]. Moscow: Eksmo.

2. Rozental', D.E., Dzhandzhakova, E.V. & Kabanova, N.P. (1998) *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [A guide to spelling, pronunciation, literary editing]. 2nd ed. Moscow: CheRo.

3. Ostroumova, O.A. & Frampol', O.D. (2009) *Trudnosti russkoy punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetaniy i predlozheniy: opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of parenthetical words, combinations and sentences: the experience of a reference dictionary]. Moscow: Izd-vo SGU.

4. Pakhomov, V.M., Svintsov, V.V. & Filatova, I.V. (2012) *Trudnye sluchai russkoy punktuatsii. Slovar'-spravochnik* [Difficult cases of Russian punctuation. Reference dictionary]. Moscow: Eksmo.

5. Kuznetsov, S.A. (ed.) (1998) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: OOO "A TEMP".

7. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

8. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

9. Belova, V.M. (2011) Chastitsa "Mol" kak diskursivnoe slovo (na materiale memuarov montazhnogo tipa) [Particle "Mol" as a discursive word (on the material of montage-type memoirs)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2:2 (30). pp. 49–52.

10. Markasova, E.V. (2009) "Ya ne upotreblyayu drevnie vvodnye slova..." (o sud'be vvodnykh konstruktsiy v russkom yazyke poslednego desyatiletiya) ["I do not use ancient parenthetical words ..." (about the fate of parenthetical constructions in the Russian language of the last decade)]. In: *From Poets to Padonki: Linguistic Authority and Norm Negotiation in Modern Russian Culture*. Slavica Bergensia. Vol. 9. Bergen: University of Bergen. pp. 80–96.

***Информация об авторах*:**
Кузнецова Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: nvkouznets@gmail.com
Почтарёва Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: olga2476@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Natalya V. Kuznetsova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvkouznets@gmail.com.
Olga V. Pochtareva, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail:olga2476@mail.ru.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.04.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 28.12.2022;
approved after reviewing 22.04.2023; accepted for publication 26.04.2023.

Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 83–107
Russian Journal of Lexicography. 2023, 28, pp. 83–107

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

ELECTRONIC LEXICOGRAPHY

Научная статья
УДК 81`373
doi: 10.17223/22274200/28/5

Лексикографические принципы создания и использования электронной фразеологической картотеки

Николай Фёдорович Алефиренко[1], Мария Михайловна Голикова[2]

[1,2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
[1] alefirenko@bsu.edu.ru
[2] golikova@bsu.edu.ru

Аннотация. Детально рассматриваются принципы создания и использования фразеологической картотеки на базе платформы «1С: Предприятие». Не только показано теоретическое и практическое обоснование продуктивности подобного подхода, но и дана подробная инструкция по использованию готового приложения, а также продемонстрированы возможности его использования при изучении образных свойств фразеологизмов.

Ключевые слова: фраземика, фразеологическая единица, электронная картотека, 1С: Предприятие, язык эмигрантской прозы

Для цитирования: Алефиренко Н.Ф., Голикова М.М. Лексикографические принципы создания и использования электронной фразеологической картотеки // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 83–107. doi: 10.17223/22274200/28/5

© Н.Ф. Алефиренко, М.М. Голикова, 2023

Original article
doi: 10.17223/22274200/28/5

Lexicographic principles of creation and use of electronic phraseological card files

Nikolay F. Alefirenko[1], Mariya M. Golikova[2]

[1, 2] Belgorod National State University, Belgorod, Russian Federation
[1] alefirenko@bsu.edu.ru
[2] golikova@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers the problem of creating an electronic phraseological card file that allows one to save and process a large amount of information, is easy to manage and access for untrained users. The relevance of the work is due to the fact that the automation of research processes will make it possible not only to simplify the work of a researcher, but also to quickly analyze large amounts of information. To do this, it is necessary to create an automated card file. The experience of working on the phraseological card file shows the effectiveness of its formation using the 1C: Enterprise platform. The article aims to present the principles of the development of an electronic system for storing and processing data extracted from literary texts and its implementation in the practical activity of a researcher-philologist. The work with the card file was carried out on the material of the works of Russian emigrant writers of the first, second, third and fourth, distinguished by individual researchers, waves. Such linguistic material has not been sufficiently studied, and its individual elements (for example, the phraseology of second-wave emigrants or the linguistic and cultural features of the phraseological image) are completely a lacuna in modern language science. The card file was formed by a continuous sampling method based on works of art of large, medium and small genres. The method of computer modeling was used to prepare the architecture of the card file, and linguistic statistics techniques were used to process the entered data. The article shows the ways to create an automated card file based on the 1C: Enterprise platform. Such work is complicated by the fact that this software is not originally intended for research activities, its resources make it possible to organize a system of interrelated elements that ensure the preservation of all fragments of the linguistic card and, most importantly, their subsequent operational statistical processing. This approach determines the scientific novelty of the work because it significantly expands the range of electronic tools applicable for linguistic research in general and lexicographic research in particular. The created card file is focused on the study of the figurative component of the phrasemics of writers of the Russian diaspora; however, the proposed approach makes it possible to apply this experience to other studies of not only phraseological, but also other linguistic units.

Keywords: phrasemics, phraseological unit, electronic card file, 1C: Enterprise, language of emigrant prose

For citation: Alefirenko, N.F. & Golikova, M.M. (2023) Lexicographic principles of creation and use of electronic phraseological card files. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 28. pp. 83–107. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/28/5

Введение

Любое лингвистическое исследование, как известно, основывается на анализе собранного эмпирического материала. Традиционно найденные в исследуемом материале языковые единицы фиксируются на специально созданных карточках, структура оформления которых является произвольной, но всегда содержит контекст употребления единицы и точную ссылку (выходные данные книги, страница – для художественных текстов; номер газеты, дата выпуска телепередачи – для текстов СМИ и т.п.). Создание лексической картотеки дает возможность оперативно найти расположение искомой языковой единицы в исследуемом речевом произведении и ее смыслообразующий контекст. Однако формирование подобной картотеки представляет собой непростую задачу, так как проводится исключительно вручную. Это, разумеется, не представляет особых сложностей для небольших исследований, однако серьезно усложняет обработку огромных пластов информации. В таких ситуациях более удобным и продуктивным представляется использование автоматизированных систем обработки и подсчета данных, работающих на основе электронной картотеки.

Создание картотеки является чрезвычайно важным при работе с фразеологическими единицами (ФЕ), поскольку для их глубинного дискурсивно-семантического исследования обязательным является выявление особенностей контекстуального употребления всех устойчивых словесных комплексов. Это дает возможность рассмотреть все грани фразеологической семантики, особенности сочетаемости ФЕ, а в отдельных случаях указывает и на определенные детали их историко-культурного ореола типа ФЕ *окопная правда*, появившаяся после Великой Отечественной войны: «– Мы их еще в школе проходили, это же “певцы окопной правды”» [1]. Зависимость ФЕ от контекста обусловливает и более развёрнутую структуру карточки. Необходимость фиксации точного расположения цитаты в тексте произведения

обусловливается не только каноническими предписаниями проведения лингвистического исследования, но и экономией времени ученого. При этом обработка такой картотеки очень трудоемка. Если классификация производится по какому-то одному критерию, то карточки можно систематизировать, например, складывая в отдельные стопки. Но что делать, если оснований для классификации несколько, а число карточек – более тысячи? В таком случае гораздо удобнее автоматизировать процесс систематизации и подсчета, формируя электронную картотеку.

Крупные базы данных позволяют хранить и систематизировать огромные пласты информации из разных областей знания. В отдельных научных областях также используется специализированное программное обеспечение, однако исследования в области гуманитарных дисциплин проводятся преимущественно классическими способами, практически игнорируя современные автоматизированные технологии. Во многом это обусловливается недостаточной доступностью программных решений для проведения исследований в области гуманитарных наук.

Впервые мысли о необходимости автоматизации работы с лексическим и фразеологическим материалом были высказаны академиком А.П. Ершовым еще в 1978 г. Ученый стоял у истоков Машинного фонда русского языка, ставшего впоследствии образцом для Национального корпуса русского языка. Фразеография стала важной частью фонда, но, безусловно, ее электронная реализация изначально была далека от идеальной. В 1993 г. на недостатки репрезентации в Машинном фонде русского языка фразеологического материала указывал также известный лексикограф П.Н. Денисов. Ученый отмечал, что, при всех своих преимуществах, обработка ФЕ базируется в основном на свойствах отдельных слов, автоматически перенося их на устойчивые словосочетания. В результате различие между словом и интегрированным по смыслу словосочетанием в основном устанавливается на грамматическом и коммуникативном уровне, оставляя без должного внимания их семантическое или стилистическое своеобразие [2. С. 146]. Здесь же учёный с сожалением отмечает, что «до создания лингвистически и практически ценных фразеологических словарей непосредственно на ЭВМ еще далеко» [2. С. 146].

Новый виток интереса к идеям цифровизации лексикографии и фразеографии возник в начале XXI в. В 2007 г. о необходимости автоматизации словарной картотеки Института лингвистических иссле-

дований РАН высказался В.П. Захаров [3]. Среди преимуществ электронной картотеки ученый выделил, например, упорядочивание накопленной информации, а также ее унификацию. Объектами автоматизации, по мнению В.П. Захарова, должны стать работа по созданию и пополнению уже готовых карточек, а также организация системы поиска их содержимого, оптимизация уже готовых карточек для новых лексикографических задач [3. С. 203]. В работе исследователя говорится о существовании сразу трех баз данных, содержащих непосредственно сами словники, цитаты, а также библиографическую информацию. Подводя итог своим размышлениям, В.П. Захаров указывает на необходимость использования ресурсов, позволяющих задействовать средства лингвостатистической обработки информации, отмечая, что «необходимо дать пользователю программно-лингвистическую систему, функциональные возможности которой позволят эффективно оперировать данными корпуса в сочетании с картотеками и словарями» [3. С. 206]. Все это может способствовать не только работе по составлению словарей, но и проведению разнообразных исследований.

На сегодняшний день компьютерная лексикография («совокупность программных средств и методов, направленных на разработку словарей электронного вида» [4]) активно развивается в рамках компьютерной лингвистики. Современные технологии направлены не только на хранение информации, но и на отладку ее автоматического сбора, обработки и последующей трансформации в словарный вид. Так, например, картотека «Лексического атласа русских народных говоров», формируемая специалистами Института лингвистических исследований РАН, тоже представлена в электронном формате и «состоит из четырёх частей: добавление файла, экспедиции, ответы (собственно диалектные материалы) и техническое обслуживание» [5. С. 167]. Доступ к такой картотеке может осуществляться сразу с нескольких компьютеров. Более глубокий подход к разработке принципов фразеографирования, их апробация должны обеспечить системную работу над совершенствованием Национального корпуса русского языка. Однако столь многопрофильное программное обеспечение не всегда доступно для локальных исследований, проводимых отдельными учеными или малыми группами. Прежде всего, проблематичной оказывается работа с программным обеспечением, которое требует серьезной специальной подготовки. Она может стать невоз-

можной для исследователя, чья сфера научных интересов напрямую не связана с компьютерной лингвистикой и/или составлением академических словарей. Электронная картотека, конечно, может формироваться с помощью крупных систем управления базами данных (например, Microsoft Office Access). Однако работа с ней тоже требует предварительной подготовки, а сам формат представления данных не всегда применим в частных лингвистических исследованиях.

Материалы и методы

Основным материалом нашей работы выступают ФЕ, собранные методом сплошной выборки из произведений русских писателей-эмигрантов. Исследовались художественные тексты эмигрантов разных волн, что не только дало возможность выявить влияние времени и места эмиграции на образную составляющую ФЕ, но и, безусловно, сказалось на объеме и структуре картотеки. Нами были изучены произведения разных жанров, написанные И.А. Буниным, В.В. Набоковым, А.И. Куприным и другими (1-я волна), Л.Д. Ржевским, В.И. Юрасовым, Г.А. Андреевым (2-я волна), В.П. Аксеновым, В.П. Некрасовым (3-я волна), Д.И. Рубиной, А.Н. Рыбаковым, Б. Акуниным (4-я волна). При составлении картотеки основное внимание было сосредоточено на фразеологических образах, что позволило точно охарактеризовать этнокультурную сущность описываемой ФЕ в иноязычных условиях. «Лингвокреативность этнокультурной духовности человека, – отмечает Н.Ф. Алефиренко, – проявляется не только в созидании первичных языковых образов, но и в их творческой адаптации к новым дискурсивным ситуациям речепорождения» [6. С. 11]. Эта характеристика языковых образов, прежде всего, присуща и образам фразеологическим, что особенно важно для изучения идиоматики эмигрантской прозы, поскольку именно ФЕ являются чрезвычайно значимыми для выявления социокультурных особенностей языка писателей русского зарубежья. По меткому замечанию М.Я. Гловинской, именно эти единицы в большей мере подвержены влиянию чужого языка: они регулируются «не общими, а специальными индивидуальными правилами» [7. С. 446].

Значимым для создания и использования фразеологической картотеки является лингвостатистический принцип, предполагающий использование элементов лингвоквантитативного метода для совершен-

ствования механизма подсчета ФЕ. Для подготовки архитектуры картотеки применялся также метод компьютерного моделирования, который позволил рассчитать оптимальную структуру будущей картотеки, наиболее соответствующую специфике исследования.

Методологической базой исследования послужили приёмы компьютерной лексикографии и фразеографии [4, 5, 8, 9]. Теоретическую основу составили классические лексикографические исследования [10], а также работы по изучению лексической и фразеологической образности [6] и специфики языка русской эмиграции [7]. Новизна исследования заключается в том, что впервые для лингвистических исследований продуктивно используется изначально не предназначавшееся для нужд лингвистики программное обеспечение.

Результаты исследования

Учитывая, что все исследования в области лексикологии и фразеологии предполагают активное создание карточек и последующую их обработку, а существующие программные решения имеют ограниченную возможность использования (как с лингвоприкладной, так и с технической стороны), представляется уместным поиск новых способов автоматизации картотеки. Так, было принято решение разработать собственную систему хранения и обработки информации на базе платформы «1С: Предприятие 8.3». Эта платформа изначально не была ориентирована на научно-исследовательскую работу. Однако ее гибкость позволяет создать уникальную конфигурацию, удовлетворяющую потребности конкретного пользователя. Позитивный опыт использования платформы в научно-исследовательских целях (ранее была разработана конфигурация для обработки данных о нескольких тысячах медиатекстов из социальных сетей [11, 12]) позволил максимально использовать ресурсы приложения. Учебная версия программы распространяется легально и бесплатно, а ее возможностей вполне достаточно для ведения картотеки. К преимуществам такого решения можно отнести:

– возможность подготовки персонализированной конфигурации, учитывающей индивидуальные особенности каждого конкретного исследования;

– невысокие системные требования, обеспечивающие корректную работу даже на компьютерах с невысокой мощностью;

– простоту использования, понятный интерфейс;

– возможность оперативной обработки огромных массивов данных;

– широкий диапазон статистических ресурсов;

– возможность автоматического построения диаграмм, выгрузки информации в документы форматов .docx, .xlsx.

Безусловно, использование подобного программного решения может вызвать некоторые сложности. Так, наиболее значимым изъяном можно считать сложность первоначальной разработки конфигурации для последующего создания картотеки. Написание такой конфигурации требует серьёзной профессиональной подготовки и может осуществляться только программистом. Однако при составлении грамотного и подробного проекта картотеки разработка конфигурации может стать единоразовым процессом, а взаимодействие с ней способно протекать без помощи IT-специалиста.

Исходя из вышеизложенного, ясно, что подготовка плана и структуры будущей картотеки – первый и самый важный этап разработки. Производить его нужно с учетом специфики будущего исследования. Это дает возможность заранее прописать те или иные параметры (например, фиксацию наличия/отсутствия в исследуемой ФЕ того или иного компонента – соматизма, зоонима и т.п.). Безусловно, набор заданных параметров можно в любой момент пополнять, хотя этот процесс, во-первых, часто может быть достаточно трудоемким, а во-вторых, потребует, скорее всего, дополнительной обработки ранее заполненных карточек.

Наше исследование посвящено изучению специфики ФЕ из произведений русских писателей-эмигрантов. Многоаспектное изучение ФЕ обусловило сравнительную сложность подготовленной конфигурации. Нельзя не учитывать оптимизированность ресурса под ключевую задачу. Это в полной мере соответствует подходам, свойственным прикладной лингвистике, где «под оптимизацией понимается такая модель языковой системы (или подсистемы), при которой этот объект сохраняет в результирующем представлении только те существенные свойства, которые необходимы для данной практической задачи» [8. С. 13]. При этом специфика платформы «1С: Предприятие» обусловливает потенциальную возможность корректировать созданную конфигурацию, что способствует ее универсальности, возможности использования в качестве основы для картотек иного характера. Главная страница подготовленной нами конфигурации поз-

воляет сразу перейти к списку сохраненных карточек. Слева располагается меню, обеспечивающее навигацию между основными разделами (*Общее, Фразеологизмы, Отчеты, Обработки*) (рис. 1).

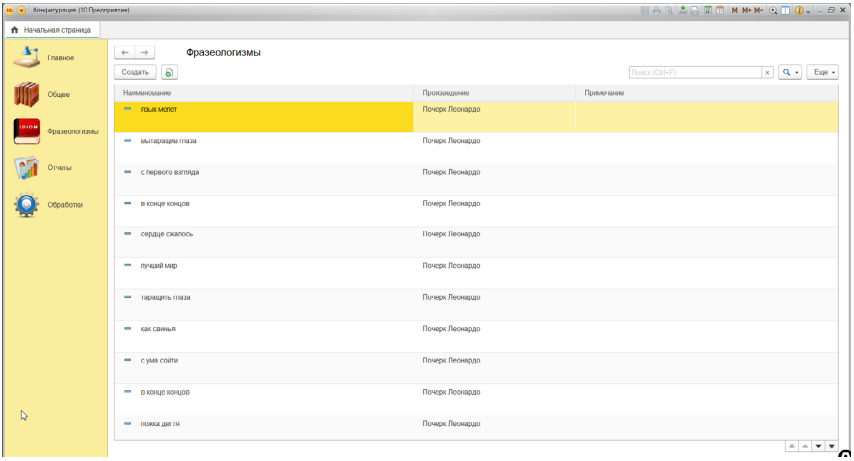

Рис. 1. Начальная страница

I. Раздел *Общее* содержит справочники, функционирующие в рамках текущей конфигурации. Под справочником в 1С понимается «прикладной объект, предназначенный для хранения данных, имеющих постоянный характер» [13]. Иными словами, такой справочник представляет собой список элементов. Если в бизнес-среде такими элементами могут быть списки сотрудников, реализуемых товаров и т.п., то в рамках исследуемой картотеки к ним можно отнести такие постоянные параметры, как название произведения, из которого берется единица, фамилия автора этого произведения, лексемы-компоненты той или иной группы и даже сами сохраняемые ФЕ. При этом справочники в пределах одной конфигурации взаимосвязаны, один может включать в свой состав элементы другого, что и позволяет делать картотеку максимально насыщенной, а также находить единицы, обладающие схожими характеристиками.

В разделе *Общее* нашей картотеки представлены справочники, информация в которых указывает на источник ФЕ: *Авторы, Книги, Произведения, Страны*. Последний справочник носит более служеб-

ный характер и необходим для корректного внесения информации об авторах исследуемых текстов.

Открывая любой справочник, пользователь видит перечень внесенных элементов. Можно ознакомиться с содержанием каждого из этого элементов, добавить новый, удалить старый и т.п. При этом добавлять элементы можно не только внутри справочника, но и непосредственно при составлении карточки, что существенно облегчает процесс работы с картотекой (рис. 2).

Рис. 2. Справочник «Авторы»

Расположение справочников в блоке *Общие* демонстрирует последовательность действий при работе с картотекой. Так, в первую очередь необходимо сохранить данные об авторе произведения-источника. Набор сведений напрямую зависит от особенностей исследования. Для нашей работы важным представлялось зафиксировать хронологические рамки эмиграции писателя, чтобы выявить возможные изменения в образной составляющей его фразеологического фонда и гипотетическую взаимосвязь таких изменений с новым местом жительства автора. Исходя из этого, карточка автора содержит элементы, представленные на рис. 3.

Отметим, что карточка автора содержит данные, необходимые для конкретного исследования. При необходимости их набор может варьироваться. Включение в структуру карточки полей с датами дает возможность автоматически классифицировать ФЕ из произведений, написанных в определенное время. Это же касается и указания стран эмиграции. Такие элементы позволяют проверить ряд исследовательских гипотез, согласно которым те или иные особенности ФЕ могут зависеть от времени или места создания произведения-источника.

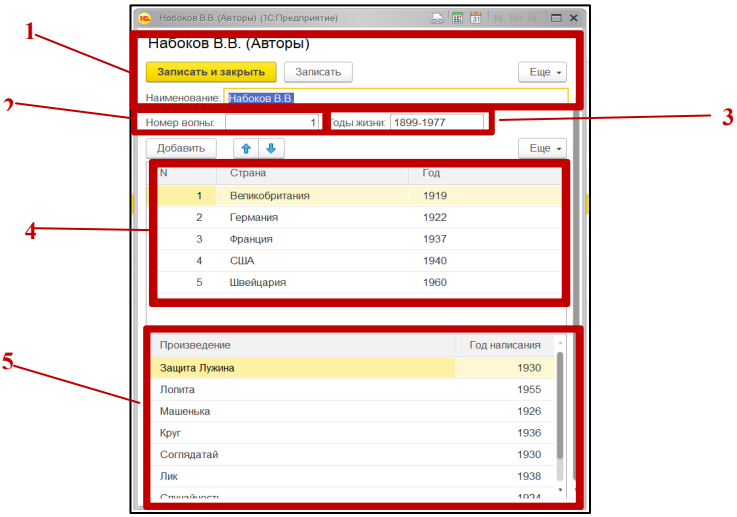

Рис. 3. Карточка автора: *1* – фамилия и инициалы авторы, кнопки для сохранения изменений в карточке; *2* – волна эмиграции; *3* – годы жизни писателя; *4* – история эмиграции (с годом переезда в страну); *5* – перечень исследуемых произведений, годы их написания

Сохранив данные об авторе, пользователь может приступить к добавлению книги в соответствующий справочник. Этот этап необходим вне зависимости от того, сколько произведений входит в состав одного издания. Карточка книги (в широком смысле слова) выглядит так, как представлена на рис. 4.

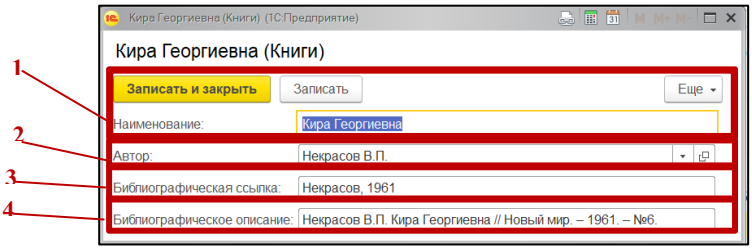

Рис. 4. Карточка автора: *1* – название книги, включаемое в библиографическое описание; *2* – автор произведения (выбирается из списка); *3* – заготовка для библиографической ссылки; *4* – заготовка для библиографического описания

Поле «Наименование» может заполняться произвольно, оно необходимо только для работы с самой картотекой. На наш взгляд, удобнее вносить туда реальное название книги-источника, чтобы впоследствии оптимизировать поиск нужного издания. Поле «Автор» содержит выпадающий список, куда автоматически попадают фамилии с уже сохраненных ранее карточек. Если нужного автора в перечне нет, то его можно добавить, нажав на соответствующую кнопку. Благодаря этому откроется поле для добавления новой карточки автора. Поле «Библиографическая ссылка» содержит основу для автоматической генерации ссылок. При добавлении нового ФЕ в его карточку вносится номер страницы, благодаря чему автоматически генерируется и точная ссылка. Это же касается библиографического описания. Такой подход существенно облегчает последующую работу с ФЕ и позволяет быстро вставлять ссылку на каждый используемый в тексте исследования пример.

Таким же образом происходит и работа со справочником *Произведение*. Его карточка невелика, так как ключевую информацию уже содержат в себе предыдущие справочники (рис. 5).

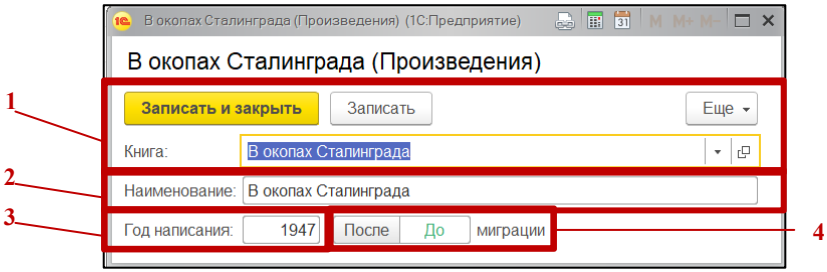

Рис. 5. Карточка произведения: *1* – название книги (выбирается из выпадающего списка); *2* – название добавляемого произведения; *3* – год создания произведения; *4* – время создания произведения по отношению ко времени эмиграции автора

Принцип сохранения произведения остается тем же. Поле «Наименование» обеспечивает создание связи между *Произведением* и *Книгой*. Установление переключателя «До/после эмиграции» позволяет быстро сортировать произведения, что может быть чрезвычайно полезно, например, при сопоставительном анализе.

II. Следующий раздел созданной картотеки – *Фразеологизмы*. Он, в свою очередь, делится на два подраздела, первый из которых включает собственно ФЕ и их поля, а второй – отдельные компоненты таких ФЕ, имеющие лингвокультурную значимость (например, соматизмы, зоонимы и т.п.). Стоит отметить, что сохранение и систематизация ФЕ в данной картотеке тоже производятся особым образом, так как она создавалась для исследования, направленного, прежде всего, на образную составляющую выражений. Возник вопрос: как систематизировать ФЕ таким образом, чтобы выражения с идентичной образной составляющей, реализованной посредством разных лексем (например, *голова* и *башка*), были объединены? Для решения подобной проблемы нами было выделено две группы ФЕ, условно названные «цари» и «холопы». Под «*царями*» понимаются головные ФЕ, а «*холопы*» представляют собой реализации таких «царей» в тексте. При этом, открыв карточку каждого «царя», можно сразу увидеть весь перечень его «холопов» (рис. 6).

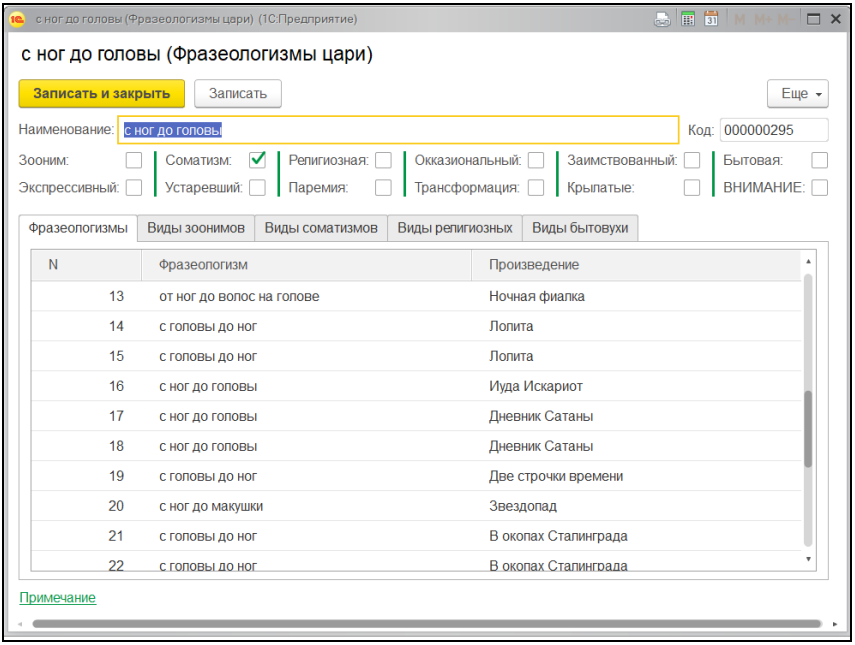

Рис. 6. Карточка «царя»

Как видим, такой подход позволяет выявить все возможные реализации той или иной ФЕ, что дает возможность показать потенциально значимые элементы фразеологического образа (например, его смысловую зависимость от порядка слов, влияние стилистической окраски и т.п.).

Статистическая обработка ФЕ также становится более продуктивной, так как автоматически могут подсчитываться как «цари», так и «холопы». С полным перечнем «царей» и «холопов» можно ознакомиться в соответствующих справочниках, используемых приложением «1С: Предприятие». Если по ошибке какой-то «царь» вводился дважды (например, дублирование произошло за счет фиксации ФЕ со стрежневыми глаголами – видовыми парами), то с помощью специально продуманного сервиса дубли можно объединить вместе со всеми содержащимися в них «холопами».

Особого внимание заслуживает непосредственно сама карточка фразеологизма. Как уже отмечалось ранее, в нашем случае она содержала в себе потенциальные компоненты-маркеры, способные пролить свет на особенности этноязыкового сознания носителя текста, в том числе с учетом возможного влияния эмиграции. Подобные компоненты могут иметь большое значение и в тех случаях, когда речь идет о других исследованиях лингвокультурной направленности. В иных случаях набор фиксируемых параметров с легкостью можно скорректировать на этапе создания конфигурации.

С учетом всего вышеизложенного, карточка каждой сохраняемой ФЕ выглядит так, как представлено на рис. 7.

Структура карточки призвана максимально отражать все особенности фиксируемой ФЕ. Так, исследователь получает возможность выделить особенность использования выражения в каждом конкретном случае (о необходимости такого процесса было сказано выше). По умолчанию поле *3* автоматически заполняется информацией из поля *2*, что облегчает ввод информации в случаях, когда значимых расхождений между «царем» и «холопом» нет. Автоматические процессы предусмотрены и для поля *4*. Так, название произведения выбирается из выпадающего списка (как и в случае с остальными подобными полями, система начинает предлагать подходящие варианты по первым буквам вводимых слов), однако по умолчанию в этом поле уже указывается то произведение, которое было в предыдущей карточке. Это помогает ускорить процесс ввода ФЕ, извлеченных из одного и того же текста.

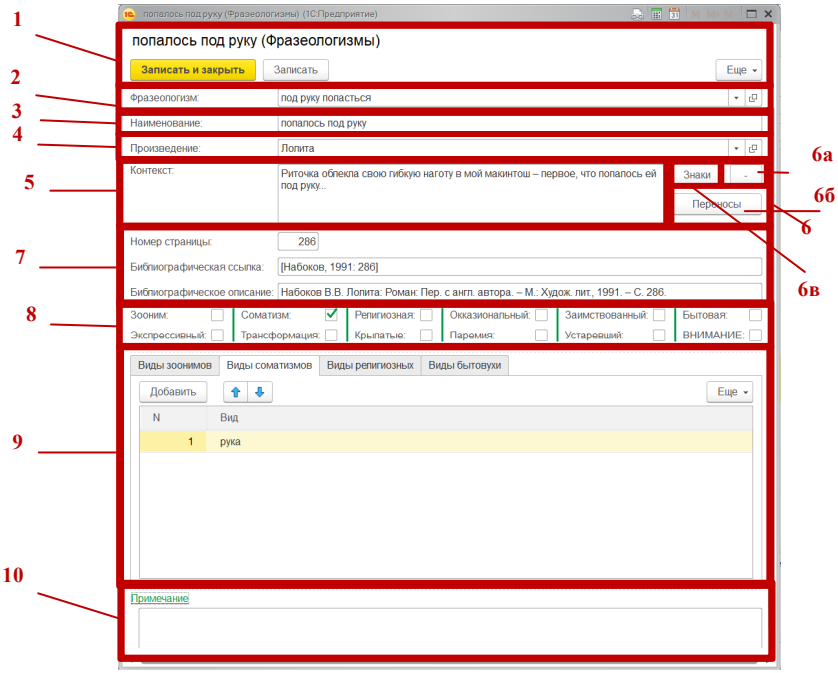

Рис. 7. Карточка ФЕ: *1* – «шапка» карточки с указанием ФЕ и кнопки для сохранения изменений; *2* – ФЕ («царь»); *3* – конкретная реализация ФЕ в отдельно взятом случае («холоп»); *4* – произведение-источник; *5* – поле для ввода контекста, в котором употребляется ФЕ; *6* – служебные кнопки для форматирования; *7* – библиографические сведения; *8* – блоки для маркирования значимых элементов ФЕ; *9* – перечень значимых компонентов в составе ФЕ; *10* – поле для ввода примечаний

Отдельное поле предусмотрено для ввода контекста – одного-двух предложений, позволяющих увидеть, как ФЕ реализуется внутри текста, какие дополнительные смыслы у нее появляются и т.п. Контекст может не вводиться вручную, а копироваться. Это происходит в тех случаях, когда в качестве источника используется электронный ресурс, а также помогает существенно сэкономить время на ввод. Однако нередко копируемый текст может переноситься с некорректным форматированием: лишними пробелами, разрывами строк, дефисами вместо тире. Такие недочеты можно устранить и вручную, однако гораздо проще воспользоваться специальными кнопками:

– *6а* – изменение дефиса на обычное тире;

– *6б* – удаление разрывов строк;

– *6в* – удаление лишних пробелов, корректировка неверных символов.

Отдельного внимания заслуживает библиографический блок. Пользователю достаточно указать лишь номер страницы, где находится найденное выражение. Все остальные данные (библиографическое описание, библиографическая ссылка) генерируются автоматически. Это ускоряет и упрощает введение таких ссылок в канву научных работ, так как избавляет исследователя от необходимости составлять их самостоятельно.

Примечательным становится восьмой блок в карточке. Здесь собран набор маркеров, представляющихся важными в рамках проводимого исследования. Это не только традиционно выделяемые лингвокультурологами маркеры (в том числе с учетом особой специфики настоящего исследования и его компьютерной реализации [14]), но и ряд дополнительных отметок, представлявшихся необходимыми. Например, отдельно были отмечены ФЕ, содержащие в своём составе зоонимы и соматизмы. Выбор подобных единиц обусловливается их спецификой. Так, Е.С. Яковлева отмечает, что зоонимические ФЕ «возникли в результате переосмысления фенотипических признаков и повадок домашних и диких животных» [15. С. 3]. Этот механизм обусловливает, с одной стороны, универсальность определенных зоонимических образов, а с другой – культурно обусловленные различия в их смысловой интерпретации [16]. Особого внимания заслуживают зооморфизмы, так как они способны стать важным инструментом для характеристики этноязыкового сознания [17]. Схожая ситуация наблюдается и применительно к компонентам-соматизмам. М. Горды пишет, что «вопрос человеческого тела – это вопрос сущности/природы самого человека» [18. С. 43]. Подобные механизмы самопознания присущи представителям различных лингвокультур, сами лексемы могут носить характер универсалий (части тела людей не меняются в зависимости от национальности), однако на понятийном уровне этнокультурные различия могут быть довольно значимыми, что обусловливается различными доминантами у того или иного этноса (на первый план могут выходить разные признаки) [19. С. 190]. Кроме того, изучение соматических ФЕ «позволяет не только приоткрыть “завесу” какой-либо этнической лингвокультуры, но и выявить

особенности ее дискурсивно-когнитивного субстрата» [20. С. 16]. Все это обусловливает высокую значимость зоонимических и соматических компонентов при изучении фразеологических образов.

Фиксация подобных компонентов производилась совместно с заполнением девятого поля, где представлены сами выделенные компоненты. Так как в рамках проводимого нами исследования на первый план выдвигалась образная составляющая выражений, родственные лексемы фиксировались как общая единица (например, *кот, котик* и *кошачий* отмечались как *кот*). Исключение делалось для тех случаев, когда лексемы различались по стилистическим характеристикам, условиям употребления или же обладали иными значимыми различиями (например, *кот, кошка* и *котенок* фиксировались раздельно, так как разница в возрастных или гендерных параметрах, просматривающаяся при сопоставлении семантики этих лексем, может играть важную роль в смысловом аспекте). Отдельно фиксировались также лексемы, способные иллюстрировать значимые детали быта носителей языка (*корыто, калоша, цент* и т.п.). Сюда же могли быть отнесены компоненты, не связанные напрямую с бытом человека, но способные охарактеризовать его деятельность (*карты, шарманка, пилюля*) или же реалии окружающей среды (*камень, елка*), что может иметь большее значение в лингвокультурном аспекте и даже принимать на себя роль символов [21]. Кроме того, маркер «бытовые» применялся и к ФЕ, не содержащим в своем составе специфичных компонентов, но репрезентирующих те или иные культурные или исторические факты (*изменник Родины, железный занавес*). Двойную функцию также выполнял маркер «религиозные».

Маркирование ФЕ производится не только на основе наличия в их составе тех или иных компонентов. Так, отдельно выделяются ФЕ высокой экспрессивности, устаревшие выражения, ФЕ, подвергшиеся той или иной трансформации, крылатые слова и паремии (широкое понимание фразеологии дает нам основание причислять две последние отмеченные группы к ФЕ). Отдельно отмечены заимствованные ФЕ, исследование которых представляется особенно важным при работе с текстами писателей-эмигрантов. Особая служебная отметка «Внимание» позволяет маркировать нестандартные выражения, требующие более детального изучения и/или помогающие получить интересные наблюдения.

Отдельное поле предназначено для записи примечаний. Оно позволяет делать заметки, полезные для последующей работы с ФЕ. Здесь могут фиксироваться сведения о происхождении ФЕ (например, некоем литературном или историческом источнике), отмечаться особенности трансформации, а также любые другие детали, которые становятся очевидными при чтении текста произведения-источника. Это дает возможность сохранять важные наблюдения и задействовать их при подготовке научных работ.

Как отмечалось ранее, выставление всех маркеров в карточке позволяет генерировать отчеты. Типы таких отчетов программируются при создании конфигурации, однако в любой момент можно добавить новые формы, а также настраивать существующие, самостоятельно указывая данные для подсчета. Так, например, одним из важных этапов работы становится общий подсчет введенных ФЕ, как целиком, так и в рамках отдельно обозначенных групп (рис. 8).

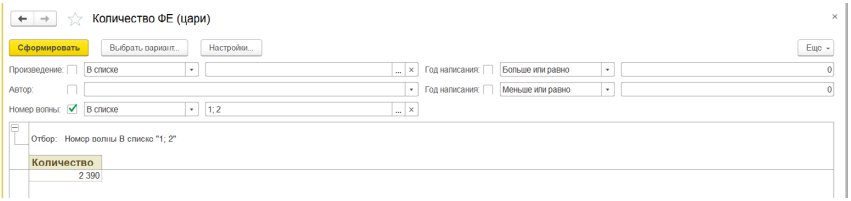

Рис. 8. Отчет (количество «царей»)

Как видно на рис. 8, возможен подсчет как всех ФЕ в картотеке, так и тех, что ограничены определенными рамками, например, волнами эмиграции, автором, временем написания и т.п. Это делает форму отчёта максимально универсальной и позволяет быстро получать любые необходимые сведения. Более сложные типы отчетов позволяют получать данные сразу по нескольким параметрам, а также подсчитывать процентное соотношение тех или иных единиц (рис. 9).

Приведенный фрагмент отчета показывает, как может демонстрироваться количество ФЕ, соответствующих заданным параметрам, а также позволяет увидеть автоматический подсчет процентов таких ФЕ по отношению к общему количеству выражений. Разбивка результатов по отдельным писателям и произведениям позволяет получать подробную информацию о фразеологической палитре творчества

каждого из исследуемых авторов. При этом для получения данных по каждому из авторов в целом предусмотрен отдельный отчет (рис. 10).

Процентное соотношение ФЕ

Сформировать | Выбрать вариант... | Настройки... | Еще

Выбранные поля: Всего, Зоонимы, Количество зоонимов1, Соматизмы, Количество соматизмов1, Р...
Группировка: Номер волны, Автор, Произведение
Отбор:
Произведение.После миграции: Да
Сортировка: Номер волны, Автор, Произведение
Произведение.Книга.Автор.Номер волны: 1

Номер волны / Автор / Произведение	Всего	Зоонимы К-во	Зоонимы %	Соматизмы К-во	Соматизмы %	Религиозные К-во	Религиозные %	Окказиональные К-во	Окказиональные %	Заимствованны К-во	Заимствованны %
1	5 262	101	1,37	1 069	21,42	562	12,48	26	0,30	52	0,
Андреев Л.Н.	644	6	0,88	119	21,10	75	9,37			10	1
Дневник Сатаны	158			26	16,46	23	14,56			10	6
Жили-были	33			4	12,12	2	6,06				
Иуда Искариот	57	1	1,75	26	45,61	3	5,26				
Красный смех	72	1	1,39	11	15,28	6	8,33				
Сашка Жегулев	324	4	1,23	52	16,05	41	12,65				
Бунин И.А.	1 234	23	0,69	227	16,64	112	10,32	11	0,33		
Господин из Сан-Франциско	26			4	15,38						
Грамматика любви	14			2	14,29	1	7,14				
Деревня	364	18	4,95	63	17,31	39	10,71	9	2,47		
Жизнь Арсеньева	496	3	0,60	90	18,15	35	7,06	1	0,20		
Легкое дыхание	8			1	12,50						
Митина любовь	120			18	15,00	7	5,83				
Солнечный удар	18			5	27,78	2	11,11				
Суходол	149	2	1,34	40	26,85	19	12,75	1	0,67		
Темные аллеи	14			1	7,14	4	28,57				
Чистый понедельник	25			3	12,00	5	20,00				
Куприн А.И.	1 454	40	2,26	321	24,86	164	11,10	8	0,42	11	0
Гранатовый браслет	112	7	6,25	24	21,43	10	8,93	5	4,46	1	0
Дочь великого Барнума	27	1	3,70	10	37,04	1	3,70				
Жанета	93	3	3,23	20	21,51	10	10,75			4	4
Инна	9			4	44,44	1	11,11				
Колесо времени	95	2	2,11	15	15,79	15	15,79			2	2
Куст сирени	18			4	22,22	2	11,11				
Ленинка	21			5	23,81	2	9,52				

Рис. 9. Отчет (маркированные ФЕ)

Статистика по авторам

	Аксенов В.П.		
	Количество (отн. эмиграции)		Всего
	До	После	
ФЕ с зоонимами	21	37	58
ФЕ с соматизмами	118	152	270
ФЕ с бытовыми	20	22	42
ФЕ с религиозными	67	30	97
Крылатые	17	28	45
Заимствованные	14	30	44
Паремии	5	9	14
Окказиональные	2	1	3
Экспрессивные	178	173	351
Трансформация	55	63	118
Устаревшие	3	15	18

Всего ФЕ у автора: 1 533

Рис. 10. Отчет (отдельный писатель)

В приведенном отчете даются общие сведения о количестве ФЕ того или иного типа, встречающихся у автора в произведениях, написанных до и после эмиграции.

Отдельные формы отчетов предусмотрены для экспликации отношений одной группы ФЕ к другой (или ко всем ФЕ в целом). При этом пользователь может изучать как все выражения из картотеки, так и отдельные (например, взятые из произведений конкретного автора) (рис. 11).

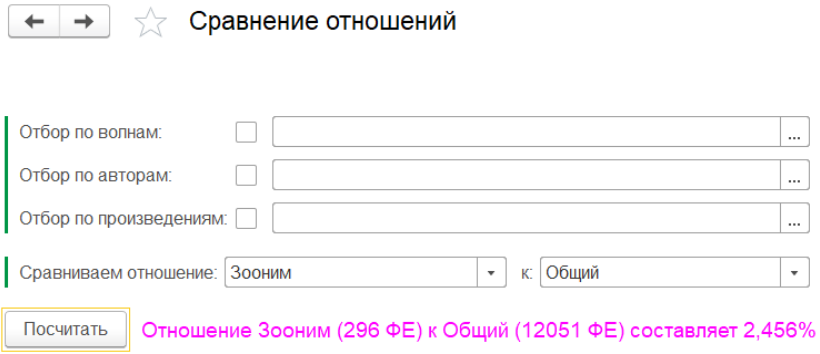

Рис. 11. Отчет (пропорции)

В рамках научных работ зачастую используется представление данных в виде диаграмм. Этот формат является более наглядным, помогает ярче продемонстрировать соотношение тех или иных категорий. Представленная нами картотека позволяет автоматически генерировать диаграммы по заданным параметрам. Пример такой диаграммы, показывающей количество ФЕ с соматизмами, демонстрирует рис. 12.

Пользователь получает возможность варьировать перечень источников исследуемых ФЕ, выбирать единицы, которые необходимо отразить в диаграмме, а также настраивать вид представления данных. Все это помогает получить изображение, которое можно вставить в текст исследования без дополнительных корректировок.

Создание автоматизированной картотеки на базе платформы «1С: Предприятие» открывает перед исследователем широкий диапазон возможностей и позволяет существенно оптимизировать процесс работы с большим количеством языковых единиц. Электронные карточки компактны, вмещают большое количество информации, подлежат корректировке и дополнению.

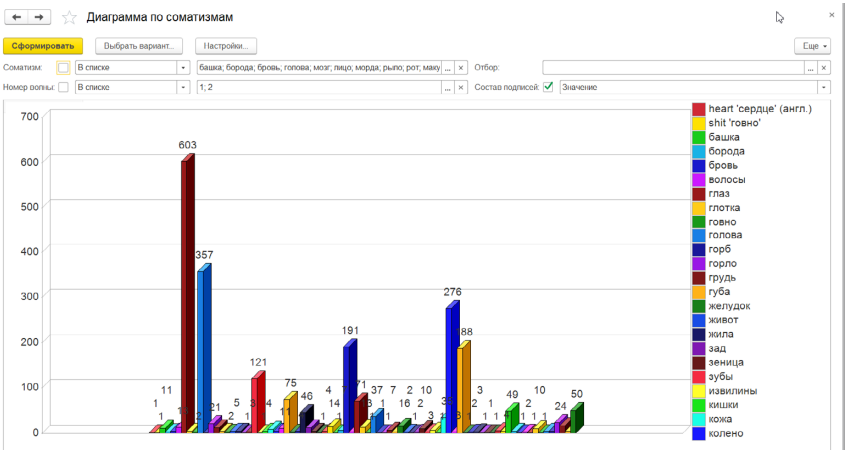

Рис. 12. Отчет (диаграмма)

Заключение

Однако, несмотря на отлаженное функционирование, картотека, на наш взгляд, подлежит дальнейшей доработке. Так, уместным представляется расширения числа задействованных маркеров, генерируемых отчетов и иных аспектов рассмотрения ФЕ. Выявленные лексикографические принципы создания фразеологической картотеки помогут устранить имеющиеся технические упущения при совершенствовании компьютерной методологии, оптимизирующей работу над электронными словарями XXI в.

Список источников

1. *Аксенов В.П.* Бумажный пейзаж. Анн-Арбор : Ardis, 1983.

2. *Денисов П.Н.* [Рец. на:] В.Н. Телия (отв. ред.). Фразеография в Машинном фонде русского языка // Вопросы языкознания. 1993. № 5. С. 145–146.

3. *Захаров В.П.* Словарная картотека Института лингвистических исследований РАН как объект автоматизации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды междунар. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.) / под ред. Л.Л. Иомдина, Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М. : Изд-во РГГУ, 2007. С. 202–206.

4. *Сарыгул К.* Компьютерная (электронная) лексикография // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternaya-elektronnaya-leksikografiya (дата обращения: 29.10.2022).

5. *Глебова О.В., Чихачев К.Б.* Электронная картотека ЛАРНГ. Современное состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. 1000 с.

6. *Алефиренко Н.Ф.* Языковые образы как единицы этнокультурного сознания // Гуманитарные исследования. 2021. № 4 (80). С. 10–18.

7. *Язык* русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / отв. ред. Е.А. Земская. Москва ; Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. 496 с.

8. *Большакова Е.И., Клышинский Э.С., Ландэ Д.В., Носков А.А., Пескова О.В., Ягунова Е.В.* Автоматическая обработка текстов на естественном языке и компьютерная лингвистика : учеб. пособие. М. : МИЭМ, 2011. 272 с.

9. *Краснобаева-Чёрная Ж.В.* Терминологический банк данных «Классификационные параметры фразеологических единиц» как электронный терминографический продукт: опыт проектирования // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 117–132.

10. *Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И.* Современная учебная фразеография: инновационные параметры бумажного словаря // Вопросы лексикографии. 2021. № 20. С. 67–90.

11. *Голикова М.М.* Событийная повестка в корпоративной коммуникации: анализ социальных медиа вуза. Белгород, 2020. 166 с.

12. *Алефиренко Н.Ф., Голикова М.М.* Междисциплинарный подход как основа современной проектной деятельности (на примере создания электронного фразеологического словаря) // Информационные и коммуникативные технологии. Проектная деятельность в образовательном и информационно-коммуникативном процессе: опыт и перспективы : сб. науч. ст. по материалам III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Симферополь, 2020. С. 184–188.

13. *Глоссарий* разработчика 1С. URL: https://its.1c.ru/db/v8devgloss#content:22:hdoc (дата обращения: 29.10.2022).

14. *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 5–19.

15. *Яковлева Е.С.* Национально-культурная специфика компонентов-зоонимов, репрезентирующих домашних, диких и мифологических животных во фразеологическом фонде китайского и английского языков : дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2019. 24 с.

16. *Куражова И.В.* Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 201 с.

17. *Гридина Т.А., Коновалова Н.И.* Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Русин. 2019. Т. 56. С. 198–212.

18. *Горды М.* Соматическая фразеология современных русского и польского языков. Щецин, 2010. 365 с.

19. *Кошарная С.А.* Фразеологизация концепта в контексте этнокультуры (на материале ФЕ, вербализующих концепт «Рука») // Фразеология, познание и куль-

тура : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. Т. 1: Фразеология и познание. Белгород, 2010. С. 189–193.

20. *Абдельхамид С.А.* Фраземы с соматическим компонентом в автохтонной языковой картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2015. С. 15–21.

21. *Гнездилова Н.С.* Библейская символика камня в русской фразеологии // Вестник ТГПУ. 2020. № 2 (208). С. 68–75.

References

1. Aksenov, V.P. (1983) *Bumazhnyy peyzazh* [Paper landscape]. Ann-Arbor: Ardis.

2. Denisov, P.N. (1993) [Rets. na:] V.N. Teliya (otv. red.). Frazeografiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka [[Book Review] Teliya, V.N. (ed.) Phraseography in the Machine Fund of the Russian Language]. *Voprosy yazykoznaniya.* 5. pp. 145–146.

3. Zakharov, V.P. (2007) Slovarnaya kartoteka Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN kak ob"ekt avtomatizatsii [Vocabulary card file of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences as an object of automation]. In: Iomdin, L.L. et al. (eds) *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2007"* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue 2007"]. Bekasovo. 30 May – 3 June 2007). Moscow: RSUH. pp. 202–206.

4. Sarygul, K. (2016) Komp'yuternaya (elektronnaya) leksikografiya [Computer (electronic) lexicography]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk.* 4-2. pp. 191–196.

5. Glebova, O.V. & Chikhachev, K.B. (2020) Elektronnaya kartoteka LARNG. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy [Electronic file cabinet LARNG. Current state and prospects]. In: Myznikov, S.A. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2020]. St. Petersburg: ILS RAS.

6. Alefirenko, N.F. (2021) Yazykovye obrazy kak edinitsy etnokul'turnogo soznaniya [Language images as units of ethnocultural consciousness]. *Gumanitarnye issledovaniya.* 4 (80). pp. 10–18.

7. Zemskaya, E.A. (ed.) (2001) *Yazyk russkogo zarubezh'ya: Obshchie protsessy i rechevye portrety* [The language of the Russian diaspora: General processes and speech portraits]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh.

8. Bol'shakova, E.I. et al. (2011) *Avtomaticheskaya obrabotka tekstov na estestvennom yazyke i komp'yuternaya lingvistika: ucheb. posobie* [Automatic text processing in natural language and computational linguistics: textbook]. Moscow: MIEM.

9. Krasnobaeva-Chernaya, Zh.V. (2020) The Terminological Data Bank "Classification Parameters of Phraseological Units" as an Electronic Terminographic Product: Design Experience. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 18. pp. 117–132. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/18/6

10. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2021) Modern Educational Phraseography: Innovative Parameters of a Paper Dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 20. pp. 67–90. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/20/4

11. Golikova, M.M. (2020) *Sobytiynaya povestka v korporativnoy kommunikatsii: analiz sotsial'nykh media vuza* [Event agenda in corporate communication: analysis of university social media]. Belgorod: [s.n.].

12. Alefirenko, N.F. & Golikova, M.M. (2020) [Interdisciplinary approach as the basis of modern project activities (on the example of creating an electronic phraseological dictionary)]. *Informatsionnye i kommunikativnye tekhnologii, proektnaya deyatel'nost' v obrazovatel'nom i informatsionno-kommunikativnom protsesse: opyt i perspektivy* [Information and communication technologies, project activities in the educational and information-communicative process: experience and prospects]. Conference Proceedings. Simferopol: [s.n.]. pp. 184–188. (In Russian).

13. 1C. (2022) *Glossariy razrabotchika 1S* [1C Developer Glossary]. [Online] Avaiblable from: https://its.1c.ru/db/v8devgloss#content:22:hdoc (Accessed: 29.10.2022).

14. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2017) The National-Cultural Component in the Semantics of Words and Ways of Presenting It in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 5–19. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/11/1

15. Yakovleva, E.S. (2019) *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika komponentov-zoonimov, reprezentiruyushchikh domashnikh, dikikh i mifologicheskikh zhivotnykh vo frazeologicheskom fonde kitayskogo i angliyskogo yazykov* [National and cultural specificity of zoonym components representing domestic, wild and mythological animals in the phraseological fund of Chinese and English]. Philology Cand. Diss. Belgorod.

16. Kurazhova, I.V. (2007) *Imena zhivotnykh kak otrazhenie tsennostnoy kartiny mira v angliyskoy lingvokul'ture* [Animal names as a reflection of the value picture of the world in English linguaculture]. Philology Cand. Diss. Ivanovo.

17. Gridina, T.A. & Konovalova, N.I. (2019) Zoomorphisms as the Basis for Modelling Phraseological Semantics: Russian-Polish Equivalents. *Rusin*. 56. pp. 198–212. (In Russian). doi: 10.17223/18572685/56/12

18. Gordy, M. (2010) *Somaticheskaya frazeologiya sovremennykh russkogo i pol'skogo yazykov* [Somatic phraseology of modern Russian and Polish languages]. Szczecin: [s.n.].

19. Kosharnaya, S.A. (2010) Frazeologizatsiya kontsepta v kontekste etnokul'tury (na materiale FE, verbalizuyushchikh kontsept "Ruka") [Phraseologisation of the concept in the context of ethnoculture (on the basis of phraseological units verbalizing the concept "Ruka")]. *Frazeologiya, poznanie i kul'tura* [Phraseology, cognition and culture]. Proceedings of the 2nd International Conference. Vol. 1. Belgorod: [s.n.], pp. 189–193. (In Russian).

20. Abdel'khamid, S.A. (2015) Frazemy s somaticheskim komponentom v avtokhtonnoy yazykovoy kartine mira [Phrasemes with a somatic component in the autochthonous language picture of the world]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, pp. 15–21.

21. Gnezdilova, N.S. (2020) Biblical Symbolism of Stone in Figurative Means of Russian Language. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2 (208). pp. 68–75. (In Russian). doi: 0.23951/1609-624X-2020-2-68-75

Информация об авторах:
Алефиренко Николай Фёдорович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород). E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru
Голикова Мария Михайловна – аспирант, ассистент кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород). E-mail: golikova@bsu.edu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Information about the authors*:**
Nikolay F. Alefirenko, Dr. Sci. (Philology), professor, Belgorod National State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru
Mariya M. Golikova, postgraduate student, Belgorod National State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: golikova@bsu.edu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022;
одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 26.04.2023.

The article was submitted 15.09.2022;
approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication 26.04.2023.

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит четыре раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – С.С. Земичева.

E-mail: lexikograph2020@yandex.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2023. № 28

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 05.06.2023 г. Формат 80×84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 6,6; усл. печ. л. 6,1. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5449.

Дата выхода в свет 08.06.2023 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru